

Серия Румбы фантастики

Данила Ботанцов

Вихри эпох

Румбы фантастики

Данила Ботанцов

Вихри эпох

«Продюсерский центр ротации и продвижения»

2020

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2=411.2)6-44

Ботанцов Д. В.

Вихри эпох / Д. В. Ботанцов — «Продюсерский центр ротации и продвижения», 2020 — (Румбы фантастики)

ISBN 978-5-907254-74-9

Какие секреты хранит наша Вселенная – такая загадочная и неизведанная? Одни ли мы во Вселенной? Какие тайны подстерегают человека на Земле? Способен ли земной человек преодолеть пространство и время? Именно об этом рассказы, вошедшие в сборник. Близкие к научной фантастике, они просто и понятно открывают перед читателем завесу неразгаданного и неведомого... Финал каждого рассказа – это ключ к пониманию сюжета, который не только удивляет читателя, но и заставляет по-новому осмыслить события каждого произведения.

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2=411.2)6-44

ISBN 978-5-907254-74-9

© Ботанцов Д. В., 2020

© Продюсерский центр ротации и
продвижения, 2020

Содержание

Миссия «Бродяги»	6
Жизнь на Замии	28
Борьба с Гирру	35
Учёные	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Данила Ботанцов

Вихри эпох

© Данила Ботанцов, 2020

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков, 2020

Миссия «Бродяги»

Прохладный летний ветер приятно обдувал лицо, истомившееся от долгого и знойного августовского дня. В этих широтах конец лета всегда выдавался особенно жарким, что вполне устраивало Крамера, для которого рабочий день начинался после захода солнца. Всё дневное время, когда солнечные лучи не грели, а обжигали, он всё равно проводил дома – либо работая за компьютером, либо отсыпаясь в своей кровати после бессонной ночи.

Работа Крамеру не надоедала. С одной стороны, конечно, это скучно – сидеть и ничего не делать столько времени, ожидая щелчка затвора, однако умный человек всегда найдёт, чем заняться, о чём подумать. Вот, например, Сэму пора бы уже в школу с сентября записывать – а вот в какую, так и не решено, и Джулия никак не соглашается на Мэриленд. А чем, спрашивается, так плох Мэриленд? Всё одно уже решили, что переезжать будут, так и велика ли разница, в какой штат...

Ночь была удивительно тихой, и мрачную тишину нарушало лишь тихое и мерное гудение моторов. Телескоп медленно и незаметно поворачивался вслед за звёздами, убежавшими в течение всей ночи от его огромного двадцатидюймового глаза. Новейшая система плавного ведения и корректировки позволяла делать идеальные снимки с весьма длительной выдержкой, на которых ни одна из бесчисленного числа звёзд не смазывалась и не уползала.

Крамер сам не заметил, как его размышления плавно перетекли в сон. Какая-то ночная птица пролетела над самой его головой, но мужчина лишь повернулся на бок в своём кресле и подложил руку под откинутую голову.

Внезапно щелчок фотоаппарата вывел Крамера из сна, и он с усилием поднялся с кресла. Медленно мерцавшая лампочка на фотоаппарате погасла, и теперь её сменил ровно светящийся индикатор, показывавший, что снимок с выдержкой в 300 секунд завершён и в данный момент обрабатывается компьютером.

– Ну что ж, на сегодня хватит, – довольно пробормотал Крамер, откручивая камеру от переходного кольца. – Последняя ночь, и скоро я наконец-то смогу вернуться домой.

* * *

Джейкоб Крамер был ярким фанатом астрономии. Он с детства интересовался буквально всем, что так или иначе было связано со звёздами и межпланетными путешествиями. Уже много позже, когда он закончил колледж и почувствовал себя самостоятельным и взрослым, его увлечение окончательно оформилось и выразилось в тяге к астрофотографии. К тому времени он уже понял, что полёты на ракетах в дальние уголки космоса – это не более чем романтическая сказка древних писателей-фантастов, разбивающаяся о прозаичную картину суровой реальности. Равно как и детские мечты Джейкоба о том, как он будет сидеть в огромной обсерватории за многометровым телескопом, направленным, подобно гигантской пушке, в небо, и, переводя его с одной планеты на другую, открывать далёкие миры и внеземные цивилизации.

Всё это было в прошлом, и теперь молодой человек прекрасно понимал, что на самом деле настоящие открытия совершаются совершенно иными способами. Однако Крамер был слишком неусидчив для карьеры астрофизика-теоретика и испытывал патологическое отвращение к длинным и скучнейшим формулам.

Вид галактики Андромеды, когда Джейкоб впервые попробовал сделать снимок этого туманного пятнышка на небе с длительной экспозицией, поразил его до глубины души. Волшебным образом бледное и бесформенное пятно, тускло различимое в 90-миллиметровый

школьный рефрактор, превратилось в смазанную, но легко узнаваемую правильную спираль, слегка наклонённую набок.

Этот первый опыт в фотографии перевернул все представления молодого человека и определил его дальнейшую судьбу. Осознание простых истин оптики и фототехники – то, что время открытого затвора имеет гораздо большее значение, чем размеры линз телескопа, – стало шоком для юного астронома и казалось каким-то волшебством. Крамер отдался своему увлечению целиком, начиная осваивать эту трудную и непростую сферу современной астрономии.

И вот уже который год Джейкоб работал в НАСА, занимаясь тем, что стало делом всей его жизни. Он мог часами изучать различные снимки, полученные с разных телескопов и спутников, анализировать данные, проводить моделирования по проверке полученных сведений и проводить дни и ночи напролёт, обрабатывая за компьютером свои фотоснимки.

Именно астрофотография действительно открывала широкие горизонты для совершения шокирующих открытий – уверял своих родителей и знакомых молодой астроном. Все самые знаковые открытия последних лет, касающиеся близкого и дальнего космоса, были совершены именно посредством изучения фотографий звёздного неба, сделанных через телескоп, – да что там говорить, очень часто и вовсе любительских фотографий! Подавляющее количество комет, астероидов, сверхновых и прочих объектов, выявленных в нашей солнечной системе и галактике за последние десятилетия, были открыты именно астрономами-любителями, которые обнаруживали аномальные и необычные объекты на своих снимках. Это может показаться парадоксальным, что для открытия нового астероида вовсе не нужна огромная обсерватория, а всего лишь изрядный запас терпения и энтузиазма (ну, желателен ещё и чистое небо).

В данный момент Крамер заканчивал свою летнюю сессию фотографий небольшого участка созвездия Девы, которую он фотографировал каждую ночь на протяжении трёх недель. Сегодня эта работа наконец-то подошла к завершению, и Крамер готовился забить в программу компьютера последний кадр и начать обработку полученных снимков. Съёмка проходила с достаточно большим для астрофотографии увеличением, вернее, максимальным, которое позволяло 507-миллиметровое зеркало телескопа Джейкоба, при котором атмосферные потоки нагретого воздуха ещё не слишком сильно размазывали кадр. Целью являлось получение максимально подробных снимков чрезвычайно малой и до недавнего времени неизвестной кометы с номенклатурным номером X/2030 A2, названной в честь её первооткрывателя кометой Фридриха.

Она внезапно вынырнула откуда-то из глубин Облака Оорта и вначале не обратила на себя особого внимания – учёные НАСА гораздо больше занимались завершением разработки плана первой пилотируемой экспедиции на Марс, в связи с его ожидающимся великим противостоянием, однако вскоре выяснилась одна интересная особенность. Данная комета очень стремительно приближалась к орбите Юпитера, и ожидалось, что она может пройти чрезвычайно близко от него – настолько близко, что либо окажется притянутой его гравитацией и станет одной из его бесчисленных лун, либо обрушится на его поверхность и развалится на части в бурлящем океане жидкого водорода. При любом раскладе участь кометы была незавидной, но и событие намечалось, по меньшей мере, весьма интересное.

Однако первичные расчёты пока не могли дать никакой точной информации, и поэтому Джейкоб Крамер и занимался фотосъёмкой, на основании которой можно было бы определить дальнейшую траекторию и скорость кометы.

Джейкоб загрузил все фотографии в программу и для начала включил простой обрабатывающий фильтр. Компьютер немного подумал и предложил оптимальный выбор соотношения цветов на фотографии; Крамер, подвигав немного вправо-влево ползунком регулятора цветовой гаммы, выбрал положение, при котором сторонние шумы и засветы на снимках были менее всего приметны, и нажал «Окей».

Теперь предстояла возня с «дарками» – тёмными снимками, необходимыми программе для обработки фотографий, а также прочей необходимой фотографической мишурой, без которой профессиональная астрофотография совершенно невозможна. Уверенно водя мышкой и постоянно внося различные корректировки в окно программы, Джейкоб, наконец, выбрал позицию «сложить выбранные кадры» и нажал ввод.

Астроном откинулся на спинку кресла и широко зевнул, рискуя вывихнуть челюсть. По сути, работа была выполнена, и больше от него ничего не требовалось; умники из орбитального отдела проанализируют снимки и доделают всю работу по вычислению траектории кометы без его помощи. Однако какой дурак будет отдавать в центр кадры, на производство которых ушёл почти месяц, даже толком не рассмотрев их?

Крамер решил провести стандартную процедуру по сложению и кадрированию снимков, затем расположил получившиеся из сложенных снимков изображения в последовательности съёмки и составил единую анимацию движения кометы. Джейкоб хорошо знал свою работу – комета Фрид-маха на всех кадрах была в кадре, и ни на одном из снимков не обнаруживалось ни малейшего смещения звёзд.

Подровняв края всем снимкам, Крамер запустил анимацию. Длительность составляла 7 секунд при частоте 3 кадра в секунду, после чего анимация проигрывалась заново. Так как телескоп на протяжении всех съёмок постоянно поворачивался вслед за звёздами, на каждом снимке звёзды были на одном и том же положении, однако комета медленно двигалась между ними из верхнего правого угла в нижний, описывая диагональ.

Хвост кометы, однако, был весьма жалок – настолько, что его было практически не видно. Это и неудивительно – по большей части хвостовая часть кометы представляет собой частицы замёрзшего газа, который тает по мере приближения к горячей звезде.

Крамер попробовал искусственно увеличить экспозицию кадров, сначала на две позиции, потом на все четыре, делая тёмные объекты более яркими в ущерб общему качеству снимков. Анимация продолжала прокручиваться, и вдруг астроном заметил интересную деталь – как будто в одном из участков неба, между двумя яркими звёздами, пиксели экрана стали более светлыми, чем окружавший их фоновый шум, и слегка передвигались на каждом кадре.

Это было настолько необычно, что Джейкоб даже не сильно удивился. Он вернул экспозиционную корректировку на ноль и сделал цифровое увеличение данного участка неба.

Теперь, когда он видел только этот кусок неба площадью менее чем одна десятая квадратной секунды, он отчётливо увидел, как какой-то объект, вернее, его размазанный трек движется между неподвижно стоящими на фотографиях звёздами, с каждым кадром медленно смещаясь в сторону альфы Девы.

Что же это могло быть? По данным каталогов и программ, имеющихся у Крамера, на этом участке сейчас нет ни астероидов, ни малых планет. Значит, какое-то неизвестное тело?

Джейкоб вытер пот со лба и снова склонился над монитором. Возникло желание как можно скорее позвонить в свой отдел и заявить о своём открытии, но голос разума заглушил подобные мысли. Будь это более-менее крупный объект, его бы уже открыли или засекли бы по отклонению из-за его гравитационного поля; это не может быть ни малая планета, ни комета. Есть, конечно, соблазн предположить, что это далёкий-предалекий транснептуновый объект, по типу Эриды, который сейчас немного приблизился к Земле и стал заметен, но это предположение разбивалось о факт наличия у него высокой скорости движения: так может двигаться тело, только достаточно близкое к Земле. Скорее всего, это вшивенький астероид метров пятнадцати в поперечнике, однако...

Однако, в любом случае это открытие.

Крамер зашёл в почту и быстро набрал руководителю своего отдела сообщение о вынужденной задержке ещё на одни сутки.

Нужна была ещё одна ночь, чтобы сделать качественный снимок таинственного объекта.

* * *

Кроме атмосферы и погодных условий, астрофотография с Земли также сильно зависит от длительности ночи на той или иной широте. Так, здесь ночь августа длилась примерно восемь часов, однако клади полчаса на угасание Солнца после заката, да и завершить фото-съемку нужно будет тоже уже до восхода Солнца. Поэтому выйдет очень неплохо, если удастся сделать хотя бы раза в два больше снимков для сложения, чем предыдущей ночью, и с более-менее солидной выдержкой, при которой объект ещё не начнёт ползти в стороны и размазываться.

Сначала Джейкоб рассчитал положение и прикинул относительную скорость неизвестного объекта в градусах на координатной сетке, чтобы определить, как следует сместить телескоп относительно его предыдущей позиции, чтобы таинственный объект попал ближе к центру; кроме того, это также позволит избежать превращения объекта на снимке в жирную линию. Наконец, фотограф настроил аппаратуру, сориентировал систему автонаведения телескопа по Веге, Бетельгейзе и Прочиону и приготовился ждать удобного момента для начала съемки. Увеличение было максимально допустимым при такой высоте наблюдения над уровнем моря.

Солнце понемногу закатывалось за горизонт. Крамер недовольно покосился на небольшую полосу туч, лениво плывущих по небу, однако пока что они не собирались пересекать угол обзора телескопа.

Джейкоб запустил программу съемки и ушёл с площадки в беседку. Сначала астроном попытался снова немного вздремнуть в кресле, однако сон никак не шёл, все мысли крутились вокруг непонятого объекта. Крамер попытался прикинуть размеры и массу астероида, исходя из уровня его светимости и скорости, однако данных было очень мало, да и не был он особо силён в теоретических расчётах – гораздо лучше он разбирался в диафрагме и апертуре, чем в логарифмической прогрессии звёздных величин и тому подобной ерунде.

«Ну, предположим, что его яркость – что-то вроде двадцать второй звёздной величины... Хм... При этом астероиды все крайне тёмные и поглощают большую часть света... значит, если отражается около нескольких процентов света, то, стало быть, он может быть не таким уж и маленьким... ну, может, метров 70 диаметром... однако, тогда выходит, он должен быть совсем близко к Земле, раз я его засёк? Что же это такое?»

Джейкоб имел хорошее представление обо всех системах слежения и контроля НАСА и русского Агентства и знал, что так близко 70-метровый астероид к Земле незамеченным вряд ли бы подлетел. С другой стороны, не так давно мимо Земли пролетел 200-метровый астероид, который и вовсе открыли уже после прохождения им линии земной орбиты...

Когда первые звёзды с восточной стороны начали гаснуть, а небо светлеть, Крамер завершил съемку. В этот раз астроном отснял максимально возможное количество кадров, которое позволяла ему длительность августовской ночи; сложив все снимки, Джейкоб надеялся получить максимально чёткое изображение объекта.

Проведя стандартную обработку кадров, астроном сделал дополнительное цифровое увеличение. Компьютер на несколько секунд повис и выдал обработанный снимок. Теперь полоска из чуть более серых, чем окружающий фон, пикселей оформилась в единый, вполне воспринимаемый объект неправильной, но совершенно определённой формы.

Крамер снял с носа очки, положил их на стол рядом с собой.

Похоже, это был не астероид.

* * *

– Пол, ради бога, – поморщился Ричард Симпсон, помощник первого заместителя руководителя НАСА, когда его секретарь снова попытался его перебить. – Прекрати ныть и лучше принеси мне кофе.

Пол демонстративно закатил глаза и, развернувшись, вышел прочь из кабинета.

– Мог бы и прикрыть за собой дверь, – недовольно пробурчал Ричард, снова пододвигая к себе файл с фотографиями.

«Что же это такое, – снова подумал он. – Может быть, ранее неизвестный спутник-геостационар? Предположим, его скорость совпадает со скоростью вращения земли, и он кажется висящим в небе... а на снимке с выдержкой, наоборот, превратился в линию. Чёрт, чёрт, где же эти олухи из центра? Они обещали подъехать ещё к двенадцати!»

– Что будем делать с этим? – мрачно кивнул Пол в сторону снимков, когда вернулся со стаканчиком кофе в руках.

– Не знаю, – устало покачал головой Ричард Симпсон. – Не похоже, чтобы это был астероид – орбита непонятная, да и близко он что-то к нам. Видимо, придётся собирать совещание, пусть отделы пораскинут мозгами.

* * *

– Большинство из вас уже знает цель нашего собрания, однако я всё же напомним некоторые события, которые произошли несколько дней назад. – Ричард внимательно оглядел сосредоточенные лица всех собравшихся в кабинете специалистов и продолжил:

– Позавчера наш астрофотограф обнаружил на сделанных им снимках кометы Фридриха-Маха трек, оставленный объектом,двигающимся по траектории, отличной от траектории других звёзд и планет. Сделав более подробный снимок с высокой выдержкой, он смог получить изображение этого тела в статике с более высоким качеством. Вот этот снимок.

Ричард щёлкнул маленьким пультиком, и прикреплённый к потолку проектор негромко загудел. Затем на белом экране, висевшем позади спины выступавшего, появилась увеличенная фотография, сделанная Джейкобом Крамером. Объект, оказавшийся в самом центре, распался на пиксели и в целом был похож на планету, однако его края были очень резкими, если не сказать – ровными.

– Как вы видите, это объект неправильной формы, и он не шарообразен, – продолжил Ричард Симпсон, когда разговоры и громкий шёпот, поднявшийся в кабинете после включения проектора, слегка утихли. – Мы не знаем на данный момент точные размеры, скорость и направление движения данного тела, равно как и его природу. Я поднимаю вопрос о дальнейшем, более глубоком исследовании этого объекта, в том числе, задействовании орбитальных телескопов. Однако сначала я хотел бы услышать ваше мнение, коллеги.

В зале повисло молчание. Джозеф Стивенсон, астроном-теоретик, задумчиво грыз карандаш.

– Можно ли точно определить направление и скорость движения этого тела по снимкам, которые у нас есть? – спросил Грегори Мэйсон.

Ричард вопросительно посмотрел на Стивенсона из Орбитального отдела. Тот пожал плечами.

– Ну, точную траекторию мы сразу сказать не сможем, конечно, но прикинуть её можно попробовать, – сказал он. – Кроме того, необходимо будет провести спектральный анализ, возможно, получить параметры по Допплеру... Хм... Что же касается дистанции, как и размеров

объекта, то для этого нужно бы измерить его параллакс... а это, хм... ну, скажем, достаточно сложное и долгое занятие.

– По крайней мере, хоть что-то мы можем предположить с более-менее высокой степенью уверенности? – спросил Ричард Симпсон.

– Я бы сказал, что будь это классический астероид или метеороид, покрытый тёмной и малоотражающей космической пылью, то это тело имело бы диаметр близкий к 100 метрам, – медленно сказал Стивенсон. – Однако это может быть металлический метеор относительно недавнего происхождения, не успевший потемнеть, вследствие чего он так сильно блестит. Тогда его диаметр может быть и намного меньше, может, даже меньше, чем 10 метров.

– Ладно, – устало махнул Ричард.

– А откуда у нас вдруг взялся свежий метеорит из металла? – спросил кто-то из присутствующих.

– Ну, на спутнике Юпитера Ио до сих пор идёт бурная вулканическая активность, быть может, кусок вулканического продукта вылетел из атмосферы из-за слабой гравитации, и...

– Но речь идёт о металле, а не о пемзе, – язвительно заметил тот же голос.

– Да, а ты анализировал состав вулканических пород на Ио?! – огрызнулся на это Стивенсон.

– Так, всё, хватит! – поднял руку Ричард Симпсон. – Полагаю, никто спорить не будет, что данное тело – более чем странный космический объект, к изучению которого есть смысл подключить и другие отделы. Все согласны?

Собравшиеся в зале более-менее активно покивали головами, ожидая, что будет дальше.

– В таком случае, я жду ваши письменные соображения по данному поводу. Передадим эту проблему наверх и посмотрим, на что расщедрится наше начальство.

* * *

– И сколько времени может на это уйти? – недовольно заметил Лори Болден, первый заместитель руководителя НАСА.

– Я не знаю, вероятно, день-два, – ответил Ричард. – Смотря сколько времени уйдёт на отправление запросов, как быстро на них ответят, рассчитают все данные...

– Я надеюсь, что, по крайней мере, оно того стоит? – спросил мистер Болден. – Или нас снова подымут на смех, как в тот раз с сообщениями о вулканах на Венере?

– О нет, – ответил Ричард, покачав головой, – по этому поводу вы можете не сомневаться. Это действительно что-то очень любопытное, хотя я и не рискну даже предположить, что именно мы можем обнаружить.

– Хочется в это верить, – негромко процедил первый заместитель, поигрывая карандашом. – У них и так напряжённый график, да и собственный план наблюдений. Отвлекать отдел управления орбитальным телескопом от штатных задач из-за всякой ерунды совершенно ни к чему, да и потом ещё самим будет не отвертеться, если что-то пойдёт не так.

* * *

– В общем, «Джеймса Вебба» нам никто не дал, – ответил Ричард Полу, вешая трубку. – Однако «Хаббл» обещают развернуть в течение суток.

– Ну это тоже неплохо, – заметил секретарь.

– Да, неплохо, кроме того, что диаметр зеркала «Джеймса Вебба» почти в три раза больше диаметра «Хаббла», и это новейший телескоп из всех находящихся на орбите в данный момент, – проворчал помощник первого заместителя руководителя НАСА. – А «Хаббл» –

старый мусор, по непонятным причинам задержавшийся на орбите уже бог весть на сколько лет после года своего официального выведения из эксплуатации.

– Ну, в конце концов, не бросать же в Атлантический океан рабочий телескоп, – пожал плечами Пол. – Да и потом, зеркало «Хаббла» в пять раз больше, чем зеркало телескопа Крамера, в который он впервые засёк тот объект. Плюс ещё отсутствие атмосферы, длительность выдержки, точность наведения, всё такое... В общем, думаю, мы получим прекрасное изображение.

– Дай-то Бог, – вытер вспотевший лоб начальник отдела астрофотографии.

* * *

Теперь уже целый отдел орбитальных аналитиков проводил вычисления на основании полученных с «Хаббла» снимков. Было уже очевидно, что неопознанное тело – ему было присвоено временное название X-234/2030, или, более коротко, «Бродяга» – являет собой нечто, отличное от простого метеороида или иного подобного тела. Это был крайне маленький объект вытянутой формы, который отсвечивал ярким блеском неясного происхождения. И, что интересно, двигался он действительно быстро.

– Есть параллакс, – произнёс Генри Сименс, быстро записывая что-то в блокнот.

– Сколько? – быстро спросил у него Лори Болден, стоящий позади аналитиков.

– Э... если со всеми поправками, то до «Бродяги» что-то вроде двух миллионов километров. И да, его размер – метров пять-шесть, не больше, причём у него есть собственное вращение, период – примерно полминуты по часовой стрелке.

– Два миллиона! – вскочил Лори Болден. – Чёрт знает что, у нас совсем под носом! Какой тут ещё пояс астероидов? Это же почти в сорок раз ближе, чем до Марса!

– Диаметр очень мал, – пожал плечами Генри. – Тут нет никакой опасности. Да мы бы его не увидели, не будь он таким ярким. Его поверхность имеет поразительно высокий коэффициент отражения...

– А что траектория?

– Пока работаем над этим...

* * *

– Ты знаешь, куда он летит?! – было первое, что выкрикнул Стивенсон вошедшему в отдел Ричарду.

– Нет, откуда бы? А вы что, уже закончили расчёты?

– Да! То есть, не совсем. Но мы знаем, что «Бродяга» летит под углом примерно двенадцать с половиной градусов к нашей орбите и пересечёт её примерно через месяц.

– Что?! Он пересечёт земную орбиту? Сколько до него будет миллионов?

– Пока сложно сказать. Мы ещё не проектировали наше положение на этот момент, сейчас вычисляем точную скорость объекта.

– А когда будет готов расчёт?

– Я, собственно, закончил, – отъехал на своём кресле от компьютера Генри Сименс. – Конечно, ещё придётся поработать над анимацией, ну и в скорость придётся внести уточнение...

– Да чёрт с ним, каким будет минимальное расстояние до этой хреновины, и когда? – перебил его Ричард.

– Сейчас узнаем.

Генри нажал кнопку на клавиатуре, и на экране появился эллипс орбиты. По краям быстро замелькали какие-то цифры, и стало видно, как под острым углом к земной орбите приближается маленькая точка.

Генри начал комментировать:

– Я не стал вбивать земной эксцентриситет и прецессию в программу, так как всё равно...

– Помолчи, и так разберёмся, – поднял ладонь Ричард, напряжённо вглядываясь в тот момент, когда точка пересекла линию орбиты. Внезапно картинка замерла; табло с цифрами моргнуло и просигналило об окончании моделирования.

Внизу загорелась надпись: «Расстояние в момент апогея: 0,3».

– Это что? Ты считал в миллионах километров? – нахмурился Ричард.

Генри Сименс сидел с бледным как мел лицом.

– Нет, – выдавил он из себя. – В тысячах.

* * *

Как только буря голосов, поднявшаяся после объявления Лори Болдена, немного поутихла, а люди уселись на свои места, со своего кресла встал Ричард Симпсон и мрачно добавил:

– Мы немного подкорректировали данные. Объект пройдёт на расстоянии примерно 290 километров от Земли ровно через две недели.

– Ещё лучше, – покачал головой Лори Болден. Затем он снова обратился ко всем присутствовавшим в зале:

– Господа, вы все знаете, что мы публикуем все данные о наших расчётах и результатах нашей деятельности вообще. Но вместе с тем легко предугадать, что может начаться в мире после публикации подобных новостей. Вопрос состоит в том, какова действительно угроза, если она есть, и что мы можем успеть, в свою очередь, сделать?

Экстренное совещание проходило в конференц-зале. Здесь присутствовали представители всех подразделений НАСА, а также все сотрудники отделов, изначально занимавшихся «Бродягой».

Ричард Симпсон снова поднялся с места.

– Мои парни считают, что всё не так плохо, – начал он. – Генри закончил полное моделирование и говорит, что спутник будет обладать слишком большой скоростью для того, чтобы успеть затормозить и упасть на Землю.

– Это действительно так? – обратился к Генри руководитель НАСА.

Тот развёл руками:

– По сути да, он делает не меньше трёх десятков километров в секунду. Когда он будет пролетать мимо Луны, то сделает сильный виток, пролетев у самой поверхности... после чего сильно сбросит свою относительную скорость и под острым углом полетит к Земле. Расстояние всё же достаточно велико, чтобы он мог упасть; хотя, конечно, траектория его круто изменится, примерно градусов на пятьдесят. Правда...

– Что?

– Я не уверен, но он может стать спутником Земли.

В зале снова поднялся шум.

– Что ни день то новость, – устало выдохнул Лори Болден. – Но он точно не упадёт на Землю?

– Вероятность падения, на данный момент, меньше одного процента, – ответил Генри Сименс.

– Это слабовато, – заметил первый заместитель руководителя НАСА. – Мы готовим к запуску на орбиту спутник с оборудованием для «Джеймса Вебба». Быть может, нам стоит ускорить подготовку и послать его навстречу «Бродяге» с зарядом на борту?

Со своего кресла поднялся Грегори Мейсон.

– Я предполагаю, что это не так уж необходимо, – начал он. – Если я не ошибаюсь, диаметр объекта – не более трёх с небольшим метров, значит, его объём – не более двадцати пяти кубометров. При средней плотности метеоритных пород его масса вряд ли превышает сотню с небольшим тонн. Это, конечно, немало, но такие тела, как правило, в большей своей части сгорают при вхождении в атмосферу. Причём если принять во внимание скорость его падения и параболу, которую он при этом опишет, то можно смело говорить о том, что большая часть его вещества останется в атмосфере.

– Но он не сгорит без остатка, – возразил кто-то.

Мейсон ответил:

– Да, но я не думаю, что это событие стоит так сильно раздувать. Тем более два против трёх, что падение произойдёт и вовсе где-нибудь над океаном.

Лори Болден прошёлся вдоль кресел.

– Итак, как я понимаю, причин для особого беспокойства нет, – медленно начал он. – Даже в случае падения тела на Землю вероятность причинения им сколько-нибудь серьёзного вреда близка к нулю. Что ж, это определённо хорошие новости. Моё мнение следующее: мы публикуем данную информацию с заверениями, что ситуация находится под контролем и нам ничто не угрожает. Мы ничего не утаим, при этом избежим неприятной шумихи.

– А как быть с... – начал Ричард Симпсон.

– А по поводу всех странностей, связанных с формой и структурой «Бродяги», распространяться совершенно ни к чему, – отрезал Лори Болден. – Достаточно будет сказать, что это метеороид неизвестного нам на данный момент происхождения.

* * *

– И какая была реакция? – спросил Пола Ричард, отбрасывая в сторону газету.

Его секретарь махнул рукой:

– Ничего особенного. Я думаю, ближе к делу появятся какие-нибудь глупости в соцсетях, но на данный момент всех больше интересует Африканский кризис, а конкретно любители астрономии пребывают в ожидании эпопеи с падением кометы на Юпитер.

– Мда, – задумчиво произнёс Ричард. – Ну что ж, тем лучше. Посмотрим, что будет дальше. А пока что попробую поверить, что этот инцидент исчерпан.

* * *

Два дня спустя дверь, ведущая в кабинет руководителя Орбитального отдела, была чуть не сорвана с петель мощным ударом Генри Сименса. Астроном-теоретик ворвался в помещение подобно марсианской буре и едва не стал причиной преждевременной смерти Ричарда, пытавшегося в тот момент разгрызть гранат. После длительных процедур по приведению Ричарда в чувство Генри хлопнул по его столу какой-то папкой и с выпученными глазами заявил:

– Угадай, что я выяснил?

– Что? – устало спросил Ричард своего коллегу, тяжело дыша и вытирая с глаз выступившие слёзы.

– Мы с парнями из отдела решили уточнить его скорость, для чего направили в эту сторону коротковолновик. Нас насторожили отклонения в данных, и мы...

– Подожди, о чём это ты? – за несколько дней ситуация с «Бродягой» несколько улеглась, и Ричард снова перешёл к более рутинным просчётам, касающимся оптимальной площади солнечных батарей на марсианской орбитальной станции, и не сразу сообразил, о чём идёт речь.

– Я про наш таинственный планетоид. Короче, не буду тебя грузить и утомлять, но смысл таков: мы увидели, что нашему радиосигналу мешает какой-то другой, на схожей частоте, и попытались настроиться на неё. Мы подобрали диапазон и обнаружили, что наш «Бродяга» сам по себе излучает радиоволны.

Ричард удивлённо уставился на Генри.

– Какие?...

– Направленные. Причём с определённой периодичностью, с интервалом в десять с маленьким минут. Мы проверили – импульсивность сигналов всё время одинакова.

– Ну, знаете, это может быть не только он... – неуверенно начал Ричард.

– Нет. Мы проверили волны на доплерово смещение – их источник движется как раз со скоростью «Бродяги» и по его траектории. К тому же, это направленные волны, и они передаются в очень узком направлении. И засечь их также можно, только напрямую направив антенну передатчика. Но и это ещё не всё, – и Генри возбуждённо подмигнул своему начальнику.

– Ну что там ещё? – безнадёжно выдохнул Ричард Симпсон.

– По сути, если объект не излучает волны по всему диапазону, то он мог бы излучать их перед собой. Однако, он излучает их по несколько другой траектории, с отклонением ровно в 12,5 градусов от своего курса, или примерно на 11 часов.

– То есть как раз так, чтобы...

– ... чтобы мы могли их принять.

На несколько секунд в кабинете повисла тишина. Затем Ричард Симпсон медленно поднял трубку телефона и произнёс:

– Что ж, во всяком случае, я думаю, теперь нам дадут воспользоваться «Джеймсом Веббом».

* * *

Конференция собралась на следующее утро под председательством Лори Болдена в главном конференц-зале НАСА в том же составе, как и неделю назад.

– Господа, вы уже знаете цель нашего собрания. Однако буквально только что к нам поступили снимки с орбитального телескопа «Джеймса Вебба», качество которых позволяет сделать вопрос о «Бродяге» гораздо более приоритетным, чем все наши остальные программы.

Руководитель НАСА прошёлся вдоль большого экрана и, взяв в руки пуль управления проектором, остановился сбоку, чтобы не загромождать свет.

По залу прошёл негромкий шёпот, который быстро утих.

Напряжение достигло предела.

– Внимание на экран, господа.

Раздался щелчок открывающегося файла.

Аудитория шумно выдохнула.

* * *

– Данные части, скорее всего, являются солнечными панелями, – обвёл маркером Григори Мейсон две симметрично выступающие в обе стороны от запечатлённого на снимке объекта пластины. – А вот назначение данного экрана не совсем понятно.

– Может быть, это и есть радиоконтур? – предположил кто-то.

– Возможно, он действительно служит антенной. Впрочем, сейчас это не так важно. Несомненно то, что мы имеем дело с каким-то техническим сооружением, тут нет никаких сомнений, – повернулся Грегори к угрюмо молчавшему Лори Болдену.

– У нас день, максимум два, – едва слышно прохрипел он. – А после этого весь мир узнает, что к Земле летит спутник, созданный инопланетной цивилизацией.

Болден озвучил то, что было в мыслях у всех, но никто пока не осмеливался произнести вслух. Все молча и растерянно смотрели друг на друга, не зная, что делать – радоваться или держаться так же торжественно и мрачно, как их руководитель.

– Я не берусь даже предполагать, какие последствия это вызовет в обществе, – растерянно покачал головой Лори Болден. – Понятно только одно: этот день войдёт в мировую историю, и мы все с вами прямо сейчас открываем новую страницу в истории всего человечества. Мир больше не будет прежним. Теперь нам доподлинно известно, что мы не одни.

* * *

– Это какой-то апофеоз, – устало выдохнул Пол, плюхаясь в глубокий и мягкий диван своего начальника. – Такое ощущение, что мир просто рехнулся.

– Я не уверен, что это не так, – заметил Ричард Симпсон.

– Да пусть, но, чёрт возьми, это уже невозможно! Нельзя перейти улицу, не услышав что-нибудь по этому поводу. Такое ощущение, что в мире просто больше ничего не происходит. Все газеты пишут только об этом. По телевидению на всех каналах только и крутят сюжеты про инопланетный корабль! Каждый разговор, причём с кем угодно, неизбежно переходит на тему инопланетян. И ладно бы, обращались к нам за разъяснениями и обсуждали бы адекватно. Так ведь нет! Изю всех щелей, как тараканы, повывлезали мракобесы со своими проповедями и накачивают народ темами по поводу иноземного вторжения. У меня больше нет никаких сил. – Пол раскинул руки, немного сполз по спинке дивана и демонстративно закрыл глаза.

Ричард Симпсон подпёр свою голову и устало вздохнул. Мир действительно сильно изменился за последние дни. Прошедшая пять дней назад мировая пресс-конференция, на которой перед мировой общественностью были продемонстрированы все данные, касающиеся «Бродяги», буквально взорвала всё человечество.

– Ладно, – произнёс он. – Всё когда-нибудь кончается. Пройдёт какое-то время, и мир снова успокоится. Лучше расскажи, что с подготовкой миссии «Гермеса»?

– Ребята на МКС уже почти закончили. Мы связались с русскими и нашими коллегами из Китая в КНКУ, пришлось провести целую международную конференцию. На ней утвердили план по преобразованию нашего общего спутника для исследования транснептуновых объектов в зонд для перехвата.

– А это реально будет проделать на орбите? У нас, считай, каждые сутки на счету, орбита Гермеса по определению будет нестабильна. Предположим, апогей с его скоростью у него выйдет хороший, но орбита получится очень вытянутой, и в перигее он каждый раз будет тереться о верхние слои атмосферы, то есть сбрасывать скорость...

– Всё вполне реально. Аналитики в срочном порядке перепрошивают борткомпьютер «Гермеса», а в русском Агентстве работают с начинкой аппарата, в том числе над проблемой с манипуляторами – приходится модифицировать все подвижные элементы зонда для надёжной состыковки с «Бродягой». Первичные инструкции по монтажу уже выслали астронавтам на орбиту.

– Ладно, вникать в подробности сил у меня уже нет. А есть уже план самой миссии по спуску «Бродяги» с орбиты?

– В принципе, да. Когда «Бродяга» выйдет на стабильную орбиту, наши ребята отстыкуют «Гермеса» от МКС. Зонд начнёт понемногу его догонять, и через восемь с половиной витков

«Бродяга» подойдёт вплотную к «Гермесу». Тогда он начнёт программу по его перехвату, после чего включит тормозные двигатели и в жёсткой сцепке с объектом упадёт в атмосферу.

– Падение в атмосферу... – поморщился Ричард.

Пол пожал плечами.

– План проработан до мелочей, – сказал он. – Чтобы избежать повреждений «Бродяги» при трении о воздух, «Гермес» начнёт торможение уже в мезосфере. Первые парашюты вытянутся ещё тогда, когда скорость объектов будет близка к первой космической. Примерно при десяти-пятнадцати Махах дополнительно включится небольшая реактивная ступень, которая затормозит падение зондов и превратит их в просто очень быстрый спуск. Главные же парашюты вытянутся уже при вхождении в стратосферу... в общем, надеюсь, посадка будет максимально мягкой.

– Ладно, понял. А со скоростями накладок не возникнет?.. Скорее всего, менять орбиту спутника придётся прямо по ходу развития событий. Тем более, что этот зонд был предназначен для полёта к Облаку Оорта, а не орбитального перехвата, и я не до конца уверен в том, что он сможет достаточно жёстко захватить объект более трёх метров в диаметре. Ваши ребята справятся?

– По поводу корректировки проблем не будет. На зонде стоит очень высокоточная аппаратура, и в случае любой непредвиденной ситуации «Гермес» сможет выйти на пересечение с «Бродягой». Другое дело – сама стыковка, вернее, «сцепка». На «Гермесе», как Вы помните, есть манипуляторы для захвата мелкогабаритных объектов. Сейчас над ними колдуют наши астронавты, чтобы приспособить их для возможности удержания более крупного тела неправильной формы. Разумеется, на практике могут, конечно, возникнуть и различные трудности, но мы стараемся просчитать все подобные вероятности... Эх, жаль, что у нас не осталось ни одного самого заваливающего «Шаттла»!..

– Ну кто же знал? – развёл руками Пол – У Китая, кстати, тоже нет в наличии никаких подходящих по размеру кораблей. С русскими мы связывались, но их таинственный новый супер-«Союз» пока существует лишь на бумаге, а все «Бураны» сгнили в ангарах ещё задолго до того, как мы окончательно отказались от «Шаттлов».

– Мда, если так подумать, то было бы неплохо держать на такой случай какой-нибудь корабль под парами... – задумчиво проговорил Ричард.

– Такой – это какой? – поинтересовался его секретарь. – На случай пролёта мимо инопланетного корабля?

– Ладно, – махнул рукой Ричард. – Давай-ка лучше ещё раз пройдемся по плану захвата.

* * *

Спустя несколько дней «Бродяга» на скорости чуть более восьми километров в секунду пересёк линию земной орбиты, пролетев почти в тысяче километров перед планетой, и, немного замедляясь, начал отклоняться. Пролетев по широкой дуге, объект немного отдалился от Земли, затем развернулся, описал широкую параболу и начал своё вращение вокруг планеты на вытянутой орбите.

Миссия «Гермеса» стартовала. Астронавты орбитальной станции запустили зонд, и началась корректировка его орбиты.

Теоретики из центра полётов НАСА отследили максимально точные орбитальные данные «Бродяги», и теперь оставалось только ждать.

Ричард Симпсон снова прохаживался вдоль компьютерных мониторов аналитического центра, поглядывая на экраны и спрашивая иногда, что происходит с зондом в данный момент.

– Так... отделение от состыковочных панелей...

– Переход двигателей в автономный режим...

– Начало продувки... Отладка системы наведения...

В напряжении прошло примерно полчаса. Наконец аналитики объявили, что орбита является удовлетворительной и дальнейшую корректировку смогут завершить бортовые системы по ходу движения.

– Теперь ждём 11 часов и начинаем операцию по захвату объекта, – повернулся в сторону начальника Генри Сименс и, расцепив бледные руки, напряжённо выдохнул.

* * *

– Мы с вами становимся свидетелями уникального события. Этот момент войдёт в историю всего человечества как первый официальный контакт с иноземной цивилизацией! Меньше чем через полчаса наш зонд, находящийся на одной орбите с инопланетным объектом, состыкуется с ним и спустится на землю, чтобы позволить нам провести его подробные исследования. Весь мир замер, наблюдая за тем, как развиваются события в центре управления полётов! – исходился слюной диктор, и Пол, устало вздохнув, отключил радио.

Далеко не все каналы и печатные издания сохраняли подобную объективность. В одной из газет была опубликована заметка какого-то фантаста, который считал, что этот зонд – не что иное как межпланетный корабль пигмеев-колонистов; особой популярностью и уважением в обществе пользовалась мысль о начале инопланетного вторжения. Кто-то полагал, что никакого зонда вовсе не существует и это подделка учёных, сфабрикованная для привлечения интереса к своей деятельности и роста финансирования.

С пафосной речью выступил Папа римский, в обтекаемых фразах призывая католический мир к смирению и готовности к любым неожиданностям. В городах устраивались обширные демонстрации, работа учреждений и контор приостановилась – все знали, что совсем скоро люди встретятся с инопланетным аппаратом, и постоянно листали всё время обновляющиеся сводки различных таблоидов. То тут, то там вспыхивали митинги, правительство обвиняли в фальсификации и попытках отвлечь общественность от других проблем, подпольные лидеры сомнительных движений призывали граждан раскрыть глаза и увидеть правду. Бывшие диванные фантасты и любители стареньких космо-боевиков очень оперативно переквалифицировались в безумных пророков, собиравших целые армии школьников, проповедуя идеи о том, что на самом деле к Земле летит целый инопланетный флот, и совсем скоро наступит апокалипсис.

В то время, как весь мир понемногу сходил с ума и заражался безумием, в Хьюстоне кипела работа. Аналитики и техники сбились с ног – давненько не приходилось решать такие объёмные и сложные задачи в столь короткий срок. Права на ошибку ни у кого не было, второго такого шанса просто не будет, ведь при расстыковке «Гермеса» с «Бродягой» после включения тормозных двигателей «Бродяга» бы непременно сгорел в атмосфере. Это понимали все, и напряжение в ЦУПе достигало апогея. Кофейные автоматы не успевали заправлять. Аналитики, учёные, конструкторы и инженеры космического агентства работали круглосуточно, спали прямо на своих рабочих местах.

Ричард, державшийся в последние дни исключительно на кофеине, с мешками под глазами притащился в набитый до отказа центр управления полётов. Все, кто не занимался расчётами, смотрели на многочисленные экраны и дисплеи, отслеживая происходящие события и отпуская негромкие комментарии.

– Одна минута до начала захвата, – произнёс в микрофон Генри Сименс. Зал оживился.

– Расстояние до объекта – полтора километра, – сказал Генри и нажал какую-то клавишу на блоке управления. – Начинаем подготовку средств захвата.

Это означало, что на «Гермесе» активировались подвижные части его захватывающих элементов, изготавливаясь для осуществления стыкования.

– Расстояние до объекта – тысяча метров, – произнёс Генри Сименс. Процесс подготовки был завершён.

Два куска металла, до смешного крошечные по сравнению с Землёй, в абсолютной тьме и тишине мчались на высоте нескольких сотен километров над её поверхностью со скоростью свыше тридцати тысяч километров в час, медленно догоняя друг друга.

– Расстояние – пятьсот метров.

Были включены маленькие двигатели торможения, и скорость «Гермеса» стала резко падать. Обратная перегрузка была более чем десятикратная. Теперь корректировка курса проводилась примерно двести пятьдесят раз каждую секунду бортомкомпьютером, который постоянно подправлял направление полёта и удерживал аппарат с помощью маневровых мини-сопел нацеленным точно на «Бродягу». К моменту, когда расстояние между зондами сократилось до ста метров, скорость сближения упала уже до примерно десяти метров в секунду.

Весь персонал НАСА следил за показаниями телеметрии. Вот-вот должна была начаться состыковка. Данный этап запустился бы и автоматически, как только расстояние между объектами стыковки станет меньше, чем три метра, но Генри Сименс всё равно держал руки на элементах ручного управления, готовый в случае отказа автоматики переключиться на них с автоматического режима.

– Началась автоматическая стыковка, – выдохнул Генри и опустил руки с джойстиков на брюки. Затем снова поднял их и сцепил бледные пальцы на уровне груди, не отрывая глаз от дисплея.

Где-то на расстоянии примерно одиннадцати тысяч километров от Хьюстона полутонный зонд «Гермес» на скорости около десяти сантиметров в секунду мягко врезался в «Бродягу», одновременно сомкнув на нём свои стальные элементы.

Захват произошёл. Теперь оба тела оказались в жёсткой сцепке и двигались по единой орбите, понемногу закручиваясь от ударного импульса.

– Выполняется проверка сцепки, – произнёс Генри Сименс и запустил проверочную программу. Зонд включил поворотные сопла и несколько раз провернулся вокруг своей оси сначала в одну, потом в другую сторону. «Бродяга» держался прочно.

– Начинайте первый этап спуска с орбиты, – сказал наконец Ричард, кивая Генри. Тот сразу же скомандовал:

– Включить систему лунной ориентации!

Находящийся на тёмной стороне Земли «Гермес» быстро уловил одним из своих многочисленных оптических визиров яркий свет Луны и начал вращение по фиксированной оси. Как только второй «глаз» оказался направлен точно на Вену, двигатели ориентации отключились, а зонд вместе с захваченным объектом оказались развёрнуты точно против своего вращения вокруг Земли.

– Включить тормозные двигатели!

В противоположную движению состыкованных объектов сторону сработала мощная реактивная струя. Скорость полёта объектов начала резко падать, и уже через несколько секунд стала ниже первой космической. Теперь импульса тел уже не хватало на то, чтобы постоянно ускользать от земной гравитации и находиться в постоянном падении, удерживаясь на орбите; оба зонда начали стремительно приближаться к Земле, разгоняясь с каждой секундой.

Началось медленное вхождение в атмосферу. Хотя номинально атмосфера Земли простирается примерно на тысячу километров в высоту (астрономы же обычно ведут отсчёт космоса уже со ста километров), почти весь воздух сконцентрирован в пределах десятка километров от земной поверхности, так что на данном этапе падение состыкованных зондов почти не замедлялось разряженными газами.

Прошла минута. Индикаторы стали показывать разогрев.

– Температура начинает плавно возрастать, – произнёс Генри. – Приближается стратосфера.

Был выпущен маленький контрольный парашют, который должен был замедлить падение и не допустить хаотичное вращение аппаратов. На скорости около пяти-шести километров в секунду состыкованные аппараты, всё сильнее разогреваясь, наконец вошли в высокие слои, и тут же сработала система реактивного торможения, стремительно снижая скорость падения.

– Разогрев в пределах нормы... – негромко проговорил Генри, не отрывая глаз от многочисленных экранов.

Считанные секунды, и аппараты окунулись уже в толщу плотной атмосферы. Почти сразу среагировали системы конечного торможения, выбрасывая три огромных парашюта.

Несколько секунд сигнала не поступало. Наконец, радиоантенна, установленная на стропах главного парашюта, передала слабый сигнал.

– «Гермес» осуществляет плавное падение на скорости примерно 10 метров в секунду, – выкрикнул кто-то из радиотехников.

– Запросите геолокацию, – быстро скомандовал Ричард.

Дальше пошли длительные минуты ожидания, пока зонды опускались к самой поверхности. За несколько секунд до касания сработала последняя тормозная ступень, перпендикулярно к Земле выбрасывая всё оставшееся в баках топливо и сводя скорость падения практически к нулю. На долю секунды «Гермес» завис в воздухе, не достигнув до земли примерно двух метров, чуть качнулся вбок и резко обрушился на какую-то поляну рядом с шоссе.

– Мягкая посадка, – спустя несколько мгновений отрешённо произнёс Генри Сименс и посмотрел на коллег. Зал тут же отозвался громкими криками радости и аплодисментами.

Все кинулись поздравлять друг друга, а Ричард подошёл к Генри:

– Нам нужно как можно скорее организовывать спасательную операцию, – сказал он сквозь окружающий шум.

– Они уже должны выезжать, – громко прокричал Генри. – Я только что отправил полученные координаты.

* * *

На следующий день в один из исследовательских ангаров НАСА въехал крытый грузовик, сопровождаемый несколькими автомобилями с тонированными стёклами. Для того чтобы разместить объект, из центрального ангара были убраны почти все разрабатываемые в данный момент агрегаты и аппараты; сотрудники всех отделов столпились рядом со входом.

Наконец, автомобиль остановился рядом с подготовленным помостом. Несколько сотрудников НАСА выскочили из его кабины и начали раскрывать задние двери грузовика. Все присутствовавшие инстинктивно подались вперёд, стараясь разглядеть что-либо в тёмном пространстве кузова.

Задвигались лебёдки, приводя в действие погрузочную платформу, и из глубин грузовика начало медленно выступать какое-то непонятное тело.

Все резко выдохнули. Это был «Гермес», сильно повреждённый в атмосфере, с безжизненно висевшими белыми куполами парашютов.

Аппарат продолжал выползать из кузова, и наконец все увидели нечто, зажатое стальными манипуляторами «Гермеса». Это было продолговатое тело металлического цвета, покрытое пылью и радужными разводами от резкого перегрева. В две стороны смотрели какие-то погнутые экраны матового цвета, покрытые разводами, напоминавшими битое стекло.

– О боже, – проговорил Лори Болден. – Я до этого момента и не осознавал, что же мы такое изловили.

– Я и сейчас это не очень понимаю, – так же тихо пробормотал ему в ответ Ричард Симпсон.

* * *

– Что ещё? – деловито спросил Лори Болден.

Ричард разложил ряд документов на столе перед собой.

– Техники продолжают вскрывать корпус. Сплав точно не определён, но, похоже, там очень много титана и алюминия. Маршевые двигатели на объекте отсутствуют; вероятно, была изначальная ступень, которая вывела зонд на нужную траекторию и отсоединилась за ненадобностью. В боковых частях есть небольшие раструбы – вероятно, это маневровые, возможно, ими бортовая система могла контролировать полёт зонда на различных этапах полёта, в том числе, и на подлёте к Земле. Впрочем, пока об этом ещё рано говорить.

– Так, ладно. А какие соображения по поводу боковых плат?

– Солнечные батареи, как мы и предполагали. Сильно битые и, судя по всему, уже очень давно вышедшие из строя. Там почти такая же электросхема, как и на нашей МКС.

Лори Болден покачал головой.

– Что такое?...

– Мы даже не представляем, кто и откуда послал нам этот зонд, но уже знаем, что эти гуманоиды знают электричество и разбираются в постоянном токе. Поразительно.

– Кстати, о гуманоидах. Размеры зонда сопоставимы с размерами наших аппаратов, поэтому аналитики предполагают, что средний рост представителей цивилизации-отправителя схож с человеческим.

– А можно ли признать их антропоморфными?

– С уверенностью, нет. Однако этот зонд очень напоминает любое наше устройство, и сложно представить себе какого-нибудь спрута, собирающего такой аппарат. Впрочем, оставим этот вопрос для биологов.

– Так. А что по поводу несущей информации? Вы что-то говорили об этом.

– Да... Мы обнаружили капсулу из тонкого металла, с пристёгнутой крышкой. С ней пришлось повозиться – тем более, что все манипуляции с «Бродягой» приходится осуществлять дистанционно в специальной вакуумной камере – но в конце концов мы разобрались в этих инопланетных премудростях и смогли вскрыть её. Внутренность капсулы представляла собой безвоздушное пространство с большим количеством тонких посеребрённых пластин и небольшой полый платиновый цилиндр.

– И что это, по-вашему, такое?

– Пока сложно сказать. На пластинах были обнаружены остатки каких-то химических веществ; одним из специалистов было высказано предположение, что нам отправили пачку фотографий.

– Серьёзно?! – руководитель космического агентства подался вперёд от возбуждения. – И там на них что-нибудь видно?

– Абсолютно ничего. Если что-то и было, то наши адресанты не рассчитали устойчивость покрытия к космической радиации – за невероятно долгие годы полёта она начисто сожгла все изображения. Там только пустые пластины.

Лори Болден стукнул кулаком по столу:

– Чёрт! Ладно, продолжайте работу с другими устройствами. По поводу осторожности я, конечно, напоминать вам не буду, но хочу вас попросить воздержаться от каких-либо комментариев о своей работе перед представителями прессы. Я знаю, что они разбились бивуак рядом с нашими ангарами и регулярно предпринимают вылазки, но вы не должны поддаваться на их провокации. Это уже моя забота, и любая информация в СМИ в любом случае должна предварительно проходить через Болдена.

– Конечно, сэр, – кивнул головой Ричард, поднимаясь.

* * *

Джейкоб Картер уныло сидел в своём шезлонге, глядя на небо. Из-за плотных туч звёзд было не видно, но астрофотограф всё равно смотрел вверх с какой-то опаской.

– Боже мой... – проговорил он, устало закрывая глаза и поднося к губам банку с пивом.

Какая находка, какое открытие в астрономии – да и в любой другой науке – могло бы сравниться с тем, что обнаружил Джейкоб? Разве это не мечта любого астронома, любого учёного? Да и, по сути, обнаружить следы инопланетной цивилизации – разве не к этому, скрыто или явно, стремилось человечество последние десятилетия? Лучше всего такое желание землян вступить в контакт с представителями чужих цивилизаций продемонстрировано золотыми пластинами «Вояджер» и «Пионер»... так почему же теперь Картер испытывает такое странное чувство пустоты?

Немного поёрзав в шезлонге, Картер сам себя одёрнул: не пустоты, а самого настоящего страха. А ведь как удобно было быть единственными разумными существами во Вселенной!..

Что же теперь будет? Раз с нами смогла связаться одна раса – сможет связаться и другая... а кто-то, возможно, нанесёт и визит. Кто знает, каков современный уровень развития существ, отправивших к Земле свой исследовательский зонд ещё несколько десятков тысяч (ну или сколько там?!) лет назад?

Ни новая должность начальника отдела, ни солидный гонорар от руководства НАСА и почётное членство в различных обществах и клубах, ни участие в популярных телепрограммах и вечерних шоу как первооткрывателя «гостя из иных миров» не доставляли Джейкобу радости. Более того, астрофотограф больше не мог снимать небо – это занятие наскучило ему и стало казаться уже каким-то бессмысленным.

И хотя в этом Джейкоб не признавался даже себе, всё чаще астроном ловил себя на мысли, что больше всего ему хотелось бы, чтобы всё было как раньше – когда были только мы, люди, всемогущие и единственные в своём роде.

* * *

– В общем, ситуация такая, – начал свой доклад Грегори Мейсон, как только Ричард вошёл в отдел. – На «объекте А» ...

– Где? – не понял тот.

– «Объект А». Это рабочее название платинового цилиндра, извлечённого из капсулы «Бродяги».

– Понятно. Продолжай.

– Так вот, на нём мы обнаружили микроскопические борозды.

– Так, – задумался Ричард. – И какие у вас возникли предположения?

– Вы помните, что мы отправляли с «Вояджером»? – неожиданно спросил начальника Грегори.

– Ну да, – удивился Ричард. – Золотую пластину, диск...

– Вот именно, – значительно поднял палец теоретик. – Мы решили, что платиновый цилиндр – не что иное, как аналог нашего золотого диска с записями приветствия и звуками Земли. Сам по себе он очень похож на объёмную пластинку для допотопного граммофона.

– И вам удалось что-нибудь получить?

– Пока нет. Но мы уже начали разрабатывать проигрыватель для этого устройства.

Ричард Симпсон устало провёл ладонью по своим волосам.

– Господи, – проговорил он. – Я бы никогда не подумал о том, что буду заниматься такими вещами.

– Это ещё не всё. Техники извлекли из корпуса начинку и начали анализ внутреннего оборудования. Среди прочего на борту имелось нечто вроде камеры – оптическая труба с присоединённой платой, на которой предположительно находится цифровая матрица. Вообще, весь зонд покрыт микротрещинами, часть деталей изнашивалась, в частности, металл местами сильно повреждён от микрометеоров и различных частиц, поэтому далеко не всегда удаётся точно восстановить назначение той или иной детали.

– А что по поводу радиопередатчика? Мы можем установить, откуда прилетел зонд?

– Работаем над этим. Сейчас предполагается провести радиоуглеродный анализ внутренних частей корпуса для точной датировки аппарата. Далее по направлению и скорости движения мы вычислим исходное положение зонда.

– Сколько на это потребуется времени?

– Я думаю, не больше, чем день-два.

* * *

– У нас есть свежие новости, – сказал вместо приветствия Ричард.

Лори Болден посмотрел на него исподлобья:

– Пришли данные анализа?

– Лучше, – улыбнувшись, ответил Ричард Симпсон. – Наши парни взломали микросхему. Она построена не на кремниевых пластинах, а на каком-то органическом пластике, но сути дела это не меняет. Мы теперь знаем программу этого зонда.

– Да-а? Ну и что же там? Порабощение человечества?

– Представьте себе, нет. Зонд стартует со своей планеты, летит к Земле, посылает радиосигналы и выходит на её орбиту. Затем происходит фотографирование планеты со всех ракурсов и сход с орбиты. После этого зонд должен был вернуться на свою планету. Правда, мы до конца не разобрались с коррекционными двигателями – судя по всему, остатки горючего, необходимого для возвращения зонда, за годы его странствий бесследно распались.

Лори Болден покивал:

– Отлично. То есть ты хочешь сказать, что мы заперли всю миссию наших собратьев по галактике? Прекрасное начало для межзвёздного сотрудничества. Президент будет доволен.

Ричард развёл руками:

– Ну кто же знал? Тем более что мы как хозяева планеты проявили себя вообще не очень-то гостеприимно. Вместо ответа на сигнал, начали разворачивать деятельность по тарану инопланетного зонда.

– А как вообще ему хватило бы импульса для возвращения? – удивился руководитель космического агентства. – Там ведь совсем крохотные баки.

– Пока самым разумным объяснением представляется значительно более продвинутая система прокачки топлива по сравнению с нашими технологиями, – пожал плечами Ричард. – Скорость выброса газов из сопел «Бродяги» гораздо выше, чем на любой нашей ракете, отсюда и чрезвычайно высокая тяга... В этой связи даже более интересно, каким образом «Бродяга» рассчитывал определить жизнь на Земле. Судя по программе, он планировал нам спустить капсулу с барабаном и пластинами прямо на поверхность – скорее всего, нам надо было просто ответить на той же частоте, что он сам излучал. Хотя тут программисты пока ещё разбираются.

– Спустить на Землю? – удивился Лори Болден.

– Да, тоже мутная технология, – согласился Ричард. – Капсула так и осталась на «Бродяге», а сама техника предполагаемого спуска тоже не ясна – скорее всего, парашюты, сделанные из более мягких материалов, чем корпус и прочие детали, распались в ходе путешествия...

Учёные ненадолго замолчали, представив, как при почти абсолютном нуле градусов, год за годом, столетие за столетием, покрывая астрономические единицы, световые года и парсеки, «Бродяга» упорно летит вперёд через пространство. Космическая пыль, микрометеориты, миллион различных опасностей и более или менее вероятных невероятностей угрожали ему, однако ведомый таинственной и невероятно мудрой программой зонд одолел все препятствия. Не стал чьим-нибудь спутником, не превратился в космический мусор.

Тысячелетия полёта переходили в десятки тысячелетий, и, наконец, «Бродяга» достиг Земли.

– ... Ладно, не страшно, пошлём им новый зонд, ещё лучше прежнего – и со своим посланием, – сказал наконец Ричард. – Уверен, им будет приятно получить что-то более существенное, чем несколько фотографий с орбиты и слабую уверенность в том, что в Солнечной системе кто-то живёт.

Оба учёных предпочитали не вдаваться в вопрос о том, кто именно подразумевался под местоимением «им».

Лори Болден вздохнул.

– Делать больше всё равно ничего не остаётся. Ладно. Надо всё это переварить в голове, а пока продолжим исследования аппарата.

* * *

– Это Глизе 876 d, – уверенно произнёс Генри, пристально рассматривая какую-то диаграмму.

– Что, прости? – оторвался от отчёта аналитиков Ричард Симпсон.

– Зонд был отправлен с экзопланеты Глизе 876 d. Это одна из ближайших к нам планет, поэтому неудивительно, что наши собраты решили отправить свой зонд в сторону Земли.

– А почему Земли, а не Юпитера, например? Он же больше похож на Глизе; если я не ошибаюсь, она раз в семь-восемь больше нас по массе.

– Не знаю. Вполне возможно, что их технологии позволяют провести анализ атмосферы на таком расстоянии лучше, чем это можем сделать мы. Мы и сами-то совсем недавно научились достаточно уверенно открывать экзопланеты...

– И сколько до неё?

– Пятнадцать световых лет. При крейсерской скорости «Бродяги» это будет что-то около сорока двух тысяч лет полёта.

– Так... А что даёт датировка?

– Здесь всё хуже. Радиотехники говорят, что зонду точно не меньше тридцати тысяч лет и не больше сотни, но сузить эту область невозможно из-за длительного действия радиации на зонд. Он слишком долго был в открытом космосе. Но это подходит под версию с миссией с Глизе!

Ричард наморщил лоб.

– Я помню, когда только открыли Глизе – а это была одна из первых открытых экзопланет – все сразу начали кричать, что там может быть жизнь. Неужели правда?..

– Тебе нужны другие доказательства?

– Да нет... – устало вздохнул Ричард. – Я просто не уверен, что теперь, после стольких лет поиска, когда мы наконец-то получили, казалось бы, неопровержимые данные о наличии инопланетного разума, я чувствую себя счастливым и довольным. Ты знаешь... скорее наоборот. Какая-то тревога...

Ричард бросил взгляд на Генри и увидел в его глазах абсолютно те же эмоции.

– Да уж, это надо осмыслить, – негромко ответил Генри. – Я тоже пока не привык. Но, похоже, мы и вправду не одиноки...

* * *

– Само по себе устройство интегральных плат очень интересное, – начал Грегори. – Очевидно, что цивилизация на Глизе существенно обогнала нас в своём техническом развитии, однако отдельные узлы нам представляются достаточно примитивными. Вот, например, диодные мосты на микросхемах...

– Погоди, – перебил его Ричард. – Ты сказал, что вы до конца разобрались в программе «Бродяги». Что там нового?

– Мы отследили его маршрут по данным компьютера, вернее, его показателей. Исходя из траектории, он стартовал с Глизе 876 d и полетел в сторону Земли для выполнения своей миссии по обнаружению разумной жизни. Есть, правда, один момент, который мы ещё не решили – странное устройство, аналога которому нет на наших зондах. С ним мы ещё будем разбираться.

– Ладно. – Ричард отложил карандаш в сторону. – Факт № 1: на Глизе есть жизнь. Вернее, точно была тысяч эдак сорок лет назад. Факт № 2: с их стороны была попытка вступить в контакт с нами. Вывод: исходя из элементарной межпланетной вежливости, мы должны направить в направлении к Глизе свой зонд. Возражения?

Генри Сименс поднял руку.

– Мне кажется, что ждать сорок тысяч лет, пока наш зонд долетит к Глизе, не вариант. Тем более что я не уверен, сможем ли мы достигнуть таких скоростей и такой воистину снайперской точности, как у «Бродяги». Вернее, уверен, что не сможем – даже «Бродяга», и тот, судя по всему, не раз корректировал свой маршрут по ходу полёта. И потом ещё сорок тысяч, чтобы получить ответ. Есть возможность более быстрой связи – радиосигнал. Мы можем для начала элементарно продублировать записанный нами сигнал «Бродяги» и послать на Глизе. Он пролетит туда за 15 лет, так что ещё на нашем с вами веку мы получим ответ от наших соседей!

Лори Болден кивнул:

– Принимается, надо будет связаться с аналитиками, занимающимися расшифровкой радиопослания. Возложим это дело на них.

Секретарь Ричарда задумчиво и отрешённо сидел на собрании, молча подперев щеку рукой.

«Поразительно, сорок с лишним тысяч лет эта штукавина летела в абсолютно пустом пространстве, чтобы долететь до нас, – думалось ему. – Это же такой огромный срок, что нам его просто не представить...»

* * *

Мировой энтузиазм сказывался буквально во всём. Казалось, что даже люди на улице стали более приветливы и уже меньше старались оттоптать ноги друг другу в автобусах.

Всемирные конфликты, кризисы и противостояния теперь казались какими-то мелочными, более того – недостойными землян, внезапно оказавшихся объектом внимания чужой цивилизации. Люди, возможно, впервые за всю историю своего бытия стали с удивлением осознавать, что все они – человечество, единая семья, живущая на одной планете, и те, кто может в любое время лично прилететь и вступить с ними в контакт, именно так и будут их воспринимать – без каких-либо разделений по странам, убеждениям, расе.

То, что всегда всем казалось фантастикой, сбылось. Теперь никто уже не мог взглянуть на ночное небо так, как раньше, видя лишь холодный и безжизненный блеск звёзд.

* * *

– Я тут кое-что прикинул, – сказал Генри. – Если взять окружность с радиусом в 15 световых лет – как до Глизе – и построить сферу, то получается, что на почти полторы тысячи кубических световых лет приходится примерно две формы разумной жизни. Грубовато, конечно, но определённая логика есть, согласен?

– И что? – ответил Ричард, уже не ожидая ничего хорошего.

– Тогда получается, что в одной только нашей галактике планет с разумной жизнью многие миллионы, а в обозримой вселенной – квадриллионы.

– Генри... Ты знаешь, я и так уже никогда не смогу по-старому посмотреть на звёзды. Теперь, когда я стою с биноклем у себя на веранде, мне всё время кажется, что с каждой звезды на меня кто-то смотрит. Ужасное чувство, если честно. Пока мы были одни во вселенной, я чувствовал себя куда уверенней...

И оба учёных вздохнули.

* * *

– Вы уже слышали обращение президента Франции? – спросил Пол Ричарда Симпсона, бросая на стол сложенную вдвое газету, ещё пахнущую типографской краской. – Он предлагает какую-то невероятную идею по отправке криокамеры с человеком к нашим галактическим соседям.

– Нет, и мне уже надоели все эти дурацкие речи. Что там с радиоцентром?

– Сигнал был отправлен. Работы по дешифровке продолжаются. Техники также рассчитывают характеристики зонда для отправки к Глизе, уже была создана международная рабочая группа из теоретиков НАСА, русского Агентства и КНКУ. В ближайшие несколько лет мы отправим огромный зонд с большим количеством самой разнообразной информации на множестве носителей, а также запасом топлива для самостоятельного маневрирования и корректировки маршрута в течение всего многотысячелетнего полёта.

– Я не уверен, что такая миссия увенчается успехом, – покачал головой Ричард. – Мы никогда не делали ничего подобного. Сам знаешь, у нас иногда спутник и до соседней планеты не долетает, а мы собираемся отправить зонд в другую звёздную систему.

– Да, а что с ним случится? Будет себе лететь в межзвёздном пространстве...

– Ну про первый «Вояджер» мы тоже так думали. А в итоге всего через пятьдесят с малым лет после запуска – смехотворно малый срок! – совершенно неожиданно для всех какой-то жалкий астероид пролетел перед самым носом нашего зонда и сделал его своим спутником. Скажи спасибо, что попросту не размазал в металлическую стружку. Кто даст гарантию, что такое не произойдёт снова?

– Такое случается один раз на миллион. И потом, сейчас у нас совсем другой уровень техники! Мы можем установить очень мощный компьютер, который будет точно просчитывать траекторию полёта на многие годы вперёд и в случае любой подобной ситуации совершит все необходимые манёвры, используя топливо зонда. Я, правда, стал задумываться немного о другом...

– О чём же? – спросил Ричард.

– Мы примерно представляем, каков был уровень развития цивилизации на Глизе около сорока тысяч лет назад. Но что там сейчас? И что там будет, когда долетит наш зонд? И вообще мы затрагиваем только сугубо техническую сторону вопроса, а если подумать о возможной политической, социальной системе, о том, как меняется общество на протяжении даже столетий...

Ричард провёл ладонью по холодному лбу.

– Да, это действительно очень сложно представить себе... Кстати, а как обстоит дело с радиосигналами? Что мы можем выжать из них?

– Дайте время, в отделе работают день и ночь. Аналитики сказали, что уже обнаружили несколько однотипных групп в общем радиошуме и смогли даже выделить единичные сигналы. Я уверен, что в самое ближайшее время у нас уже будут конкретные ответы, – ответил Ричарду его секретарь и направился к выходу.

* * *

Была уже глубокая ночь. Ричард Симпсон сидел в своём кабинете, засыпая над отчётом техников по поводу зонда «Глизе-1», и поэтому не услышал, как бесшумно открылась дверь, и какая-то серая тень проскользнула в помещение.

– Кто здесь? – спросил он, услышав шаги.

– Это я, Генри, – отозвался учёный каким-то странным голосом и сел на стул рядом с рабочим столом Ричарда, попав в освещённое лампой пространство. Только тут Ричард увидел, что его сотрудник выглядит каким-то потерянным.

– Тебе надо больше спать, – заметил Ричард. – Это ни к чему хорошему не приведёт. Ты уже сделал всё, что мог, а теперь оставь эту работу астрофизикам и техникам...

– Скорее историкам и археологам, – негромко отозвался Генри, отрешённо глядя куда-то в сторону.

– В смысле? – не понял его Ричард, переворачивая очередную страницу отчёта.

– В прямом. Техники вскрыли и разобрались в назначении того приспособления внутри «Бродяги», помнишь? Так вот, это что-то вроде его «чёрного ящика». Он записывал все действия, произведённые зондом, в течение всей его миссии.

– Ну и что же?

– И то. Мы смогли определить точную длительность полёта и выполнение зондом своих задач на разных его этапах. С точностью до нескольких лет.

– Так и что же? Я тебя не понимаю, что...

– Вы знаете, сколько наш так называемый «Бродяга» находился в полёте? Вовсе не сорок два тысячелетия, нет.

– Как это? А сколько же?

– Восемьдесят четыре. И согласно программе полёта, ровно неделю назад его миссия полностью была завершена.

Ричард Симпсон медленно отклонился от стола и поднялся на ноги. Воротник давил горло и не давал дышать.

Учёный развернулся и кинул взгляд на окно. Там, в чистом августовском небе, уже горели россыпи ярких звёзд. Далёких, таинственных... и бесконечно мёртвых.

Жизнь на Замии

Ри-чен медленно пробирался сквозь заросли высокой травы, стараясь ступать по мелко-воду как можно тише. Если ему удастся поймать хотя бы ещё одну такую же крупную рыбину, как утром – то сегодня можно будет забыть об охоте. И наконец-то, впервые за много дней, все они смогут отдохнуть – и Кац, и Адис, и Стун, который вообще уже слишком стар для охоты и большую часть времени проводит с Адис у костра, помогая с разделыванием шкур и поддержанием огня.

Заточенная палка беззвучно взвилась в воздух, на мгновение зависла и молнией стремительно обрушилась в воду, пригвоздив ко дну длинную щуку. Торжествуя, Ри-чен издал победный клич и прыгнул в воду, прижимая животом ко дну свою добычу.

– Эухиии! Баррра! – громко закричал охотник, оглашая лес своим зовом. Где-то вдалеке раздалась ответные возгласы:

– Эухуу! Иуу!!

Ри-чен подхватил щуку под жабры и, пригнувшись, быстрым бегом направился в сторону, откуда донёлся крик.

* * *

Язык, на котором Ри-чен общался со своими соплеменниками, был крайне прост. Складывался он из нескольких десятков звуков, подкрепляемых жестами и интонацией; каждый отвечал за какой-то предмет или абстрактную категорию.

– Радость? – вопросительно поглядела Адис на охотника, поднявшегося на невысокий пригорок, где находилась их стоянка.

– Да, еда! – громко воскликнул Ри-чен и бросил щуку на большой плоский камень рядом с кострищем.

– Радость! – согласно кивнули Стун и Адис, глядя на добычу, после чего Стун направился к хижине за острым камнем, чтобы разделать щуку. Ри-чен устало опустился на одну из постеленных перед огнём шкур.

– Как? – кивнула в сторону камня Адис, подсаживаясь рядом с Ри-ченом.

– Здорово! – весело мотнул головой охотник. – Река. Иду, копьё! – Ри-чен не удержался, вскочил и начал показывать, как он крался вдоль реки, потрясая воображаемым копьём.

«Рыба. Радость, еда, хорошо», – думал Стун, счищая со щуки чешую куском кремния.

Мысли Стуна, как и его соплеменников, не отличались глубиной, однако при последовательной связке различных категорий ему подчас удавалось продумывать довольно сложные логические схемы. При этом, хотя выразить языком свои выводы Стун никогда бы не смог, сам охотник хорошо понимал, что он имеет в виду. Сейчас, например, Стун мечтательно подумал о том, что если и Кац принесёт что-нибудь – то сегодня впервые за много дней они смогут наесться досыта, и даже останется немного закусить перед сном.

Однако иногда, как правило, перед сном, в голове пожилого охотника начинали метаться обрывки каких-то непонятных воспоминаний, образов, которые сознание Стуна воспринять не было способно – и тогда он начинал беспокойно ворочаться под шкурами, пытаясь прогнать беспокойные мысли прочь.

Так случилось и сейчас. Покончив со щукой, Стун медленно отложил камень в сторону и опустил руки на свои колени.

Перед глазами Стуна вдруг появился белый и чрезвычайно яркий свет. Какие-то громкие и непонятные шумы наполнили голову охотника... Казалось, ещё чуть-чуть, и Стун вспомнит

что-то очень важное – но нет. Как и во все прошлые разы, мысли охотника так же внезапно успокоились, оставив в покое его первобытный рассудок.

Стун медленно поднялся, тщательно вымыл в реке руки от склизкой чешуи и понёс добычу Ри-Чена обратно к костру. Взгляд его был задумчив и грустен одновременно.

Каким-то глубинным чувством – хоть он и не знал таких слов, чтобы объяснить это – Стун догадывался, что его беспокоит.

Его беспокоила неизвестность.

Неизвестность, о которой молодые головы его соплеменников, постоянно занятые мыслями об охоте и выживании, пока ещё не задумывались.

Его беспокоило то, что он не знал, что было с ним раньше. Стун помнил вчерашний день, день перед ним, день, когда их хижину затопило, день, когда от костра загорелся лес и им пришлось спасаться бегством; он помнил, что было в прошлый сезон жары, в прошлый сезон холода – но что было до этого, Стун не знал. Не помнил. Два сезона – и всё. Предел.

Слов в языке Стун не хватало для осмысления этой проблемы, но внутренним чувством он догадывался, что ни Кац, ни Адис, ни Ри-чен также не помнят ничего, кроме их скитаний по этому лесу.

И вновь, и вновь охотник безмолвно спрашивал сам себя, что же за образы начали появляться у него в голове.

* * *

День пролетал за днём, и забот у небольшого племени было более чем довольно. Шкур всё ещё было недостаточно для периода холода, неумолимое приближение которого становилось всё заметнее.

В один из последних дней сезона жары Кац сидел рядом со Стуном, помогая ему заточить дротик. Из прочных стволов молодых елей получались очень крепкие копья, но, чтобы ими можно было проткнуть крупную рыбину – или кролика, если повезет – их необходимо было заточить до невероятной остроты.

С учетом того что в распоряжении охотников были лишь куски кремния, дело предстояло довольно кропотливое.

Кац раскалил на огне кромку камня и с силой прошёлся по свежесрезанному стволу. Острая грань с шипением снимала дерево слой за слоем, превращая кусок древесины в орудие.

Стун, переворачивая на деревянной рукоятке свой кусок кремния в огне, посмотрел на широкий шрам на тыльной стороне своей ладони.

Охотник нахмурился.

Этот шрам был также одной из причин его волнений – его сознание смутно догадывалось, что сам по себе такой след на руке появиться не мог (хотя в этом Стун тоже уверен не был), но когда и как он появился – охотник не имел ни малейшего понятия.

Забыв про кусок кремния, Стун молча вглядывался в свою руку, беззвучно шевеля губами. Внезапно острая боль от ожога пронзила его ладонь – и охотник непроизвольно вскрикнул.

Кац удивлённо посмотрел на него:

– Что?

– Огонь, – буркнул Стун, показывая взглядом на свою руку.

– Плохо, – покачал головой молодой охотник, умудрившись выместить в этом лаконичном замечании одновременно сочувствие, удивление и предложение пойти отдохнуть и предоставить выполнить всю оставшуюся работу ему.

Стун мотнул головой.

– Нет, – ответил он. – Делаю.

Стун приготовился продолжить обтёсывать ствол, как вдруг он снова почувствовал боль в руке. С удивлением посмотрев на руку, охотник понял, что это за ощущение: его воспоминание о том, как он получил свой шрам.

Вновь в голове пожилого охотника закрутились непонятные образы.

Морщась и хмурясь, Стун смотрел на свою руку, пытаясь понять, что за картины возникают у него в голове.

Стун увидел, как он стоит посреди... чего? Что-то очень светлое... большое... и вдруг боль в руке. Огонь. Какой-то странный огонь – не такой, как в костре. Он...

Стун вдруг понимает, на что похож этот огонь. Он уже видел его несколько раз на небе. Только тут он был гораздо меньше, и...

Охотник уже не понимал, явь это или опять какой-то из его многочисленных беспокойных снов. Картинки в голове сменялись одна за другой, но что они означали, Стун понять не мог. Зато он знал другое: он вспомнил, как он здесь появился – они вышли из этой светлой пещеры.

Вскочив на ноги, Стун начал метаться из стороны в сторону вокруг костра, перепугав Каца, отложившего в сторону недоделанное копье и в изумлении глядевшего на безумную пляску своего соплеменника.

Бессильно махнув рукой, Стун всхлипнул и вдруг сорвался с места, помчавшись вглубь леса, в сторону от реки, туда, где дымил огромный вулкан. Тяжело дыша, охотник мчался сквозь дремучие заросли, оправдывая своё имя: стун – шум, грохот.

Понятия времени и расстояния у Стуна и его собратьев не было или было совершенно смутным: как более-менее чёткая единица времени воспринимался один световой день, поэтому охотник не мог даже примерно представить, сколько времени он бежал по лесу. Наконец, окончательно выдохнувшись, Стун перешёл на шаг и вышел на открытую поляну.

Хватаясь за свою голову, Стун медленно брёл среди высоких зарослей. Ступни его были сбиты в кровь, а руки устало болтались у пояса. Бессильно сжимая и разжимая кулаки, охотник шёл, с шумом вдыхая и выдыхая воздух, что-то бормоча и периодически издавая горестные крики.

Зато охотник хорошо знал, куда ему надо идти – вверх, в гору, вдоль тоненького и изви-вавшегося между соснами ручейка, прямо по звериной тропе.

Пройдя так ещё какое-то время и вновь углубившись в чащу, Стун насторожился. Тут и там стали попадаться поваленные деревья, многие из которых были просто-напросто переломлены пополам. Удивлённо оглядывая изломанные в щепки толстые стволы, торчавшие из земли, охотник медленно продвигался вперёд, озабоченно оглядываясь.

И тут он её наконец-то увидел.

Пещеру. Ту самую, из своих видений.

И ту, откуда они все пришли.

Стун медленно и осторожно приблизился к ней и заглянул в круглый вход. Охотник с удивлением оглядел пещеру: подобных образований ему встречать ещё не приходилось. Боязливо глядя внутрь тёмного отверстия, Стун поднял руку и прикоснулся к стенке.

Стена была холодной и поразительно гладкой. Поверхность напоминала камень, но это явно было что-то совершенно другое.

Внезапно раздался тихий треск, как будто где-то в лесу сломалась сухая ветка, и перед глазами Стуна вновь вспыхнул тот же самый странный огонь – тот, который он уже видел в своих воспоминаниях.

Завороженно глядя перед собой, Стун слегка приоткрыл рот. Лишь едва мигнув, загадочный огонь снова исчез.

Не задумываясь, охотник протянул руку вперёд, чтобы дотронуться до места, порождавшего необычное голубое пламя – и в ту же секунду острые дротики пронзили её от пальцев

до самого плеча, парализовав все тело. Яркие огненные брызги рассыпались во все стороны разноцветным водопадом, а в воздухе запахло каким-то незнакомым запахом. Стун замер на несколько мгновений, а затем как подкошенный рухнул на сырой мох.

* * *

Джи-Эр Тета медленно раскрыл глаза и, приподнявшись, сел на обломок скалы, обхватив голову и массируя виски. Голова гудела и стучала, а рука ныла так, как будто её пытались вырвать с корнем.

Мужчина огляделся – он находился рядом с их посадочным модулем. Похоже, это Замия. Замия!..

Почему он ничего не помнит?

Сколько времени уже прошло? И какой сейчас уже период?

Джи-Эр нахмурился и заглянул в кессон. Стенки, панели и кнопки покрывала странная зеленоватая плесень.

Что здесь произошло? Где все остальные?

Мысли Джи-Эр путались. Ему вдруг вспомнился какой-то костёр, река, лес...

Тут только мужчина заметил, что он практически голый, не считая какой-то накинутаой через плечо грубо выделанной шкуры. Что за наваждение?!..

Джи-Эр Тета бросился к люку, вывернул заслонку и втиснулся в капсулу. Встав боком, он понемногу продвинулся вперёд и занял широкое кресло с высоким изголовьем, после чего оглядел кабину.

Непонятная плесень покрывала ровным слоем практически все щитки и приборы.

Мужчина щелкнул большим тумблером.

Стены капсулы замигали разноцветными огнями, у потолка заискрились какие-то кабели. На различных табло появились и стали мигать различные символы.

– Отец! – громко позвал Джи-Эр, вглядываясь в большой экран перед собой. – Ты функционируешь? Что произошло? Каков статус миссии?

Экран прекратил мигать и отобразил какой-то график.

– Миссия завершена три Касивных периода назад, – донёлся откуда-то сверху металлический голос. – За это время Замия сделала два с половиной оборота вокруг своей звезды.

– Три наших периода! – воскликнул Джи-Эр, подскочив в кресле и ударившись головой о панель. – Три! Что произошло, Отец!? Флот летит сюда? Почему мы не проснулись согласно программе?

Голос так же бесстрастно продолжил:

– Полет проходил строго по плану. После покидания системы Касии экипаж был введен в анабиоз и находился в гиперсне в течение полутора тысяч оборотов Замии вокруг своей звезды. Все системы были в гибернации, реактор работал нормально, на минимальной мощности.

После выхода на высокую орбиту Замии, экипаж был выведен из гиперсна. Однако произошёл сбой. Мой анализ показывает наиболее вероятной версию анабиозной амнезии.

– Что?..

– Никто никогда не находился в анабиозе так долго, и в совокупности с длительным воздействием повышенной радиации у всех членов экипажа произошла полная амнезия, с абсолютной дисфункцией вплоть до базовых рефлексов. Возможно, ключевую роль сыграла сверхновая звезда, вспыхнувшая в нашем рукаве галактики примерно двести периодов назад, излучение которой непрерывно бомбардировало корабль в течение почти целого оборота Замии вокруг своей звезды.

Первые несколько дней экипаж находился на стадии новорожденных младенцев – практически слепых и не воспринимавших окружающий мир. Я давал императивные команды бортовым системам жизнеобеспечения, чтобы не позволить вам умереть от голода и жажды.

– Почему я ничего этого не помню??

– Вероятно, эти дни полностью стёрты из вашей памяти – вернее, они даже на неё не записывались, так как мозг ещё не привык вновь это делать. В таком состоянии уши способны различать только шумы, а глаза различают лишь контуры предметов. Посадка была произведена в автоматическом режиме, но при входе в плотные слои атмосферы сильно пострадал технический отсек. Пожар уничтожил практически все системы. К этому времени экипаж вновь приобрёл способность произносить звуки и самостоятельно шевелить частями тела и сразу же после отстрела люка покинул посадочный модуль в неизвестном мне направлении. До сегодняшнего дня я больше ни разу не наблюдал никого из членов экипажа.

Голос умолк, и Джи-Эр, оцепенев, молча глядел в пустое табло.

– На планете есть жизнь? Когда подан сигнал? – хрипло спросил он наконец.

– Мой визуальный анализ подтверждает наличие жизни, в том числе прямоходящих позвоночных, очень близких к вашему виду по своей анатомии. Их интеллект гораздо более развит по сравнению с остальными животными на этой планете.

Что касается сигнала, то спутник связи, оставленный на орбите, не был рассчитан на столь длительный срок работы и около одного периода назад сгорел в верхних слоях атмосферы Замии. Самостоятельно передать такой сигнал о наличии биосферы на планете я не мог, для автономного управления это слишком ответственное действие.

– Подожди... – прошептал Джи-Эр. – Это значит, никто к нам не прилетит??

– Подтверждаю, – ответил голос. – Программа была нарушена. Согласно плану после передачи сигнала о наличии жизни экипаж вновь вводится в гиперсон до прибытия остального флота. На данный момент возможность передать сигнал утрачена.

– Как, как такое могло произойти? – вскричал Джи-Эр. – Почему ты ничего не предпринял?! Не получив от нас сигнала, больше никто из Дионцев сюда не полетит, а мы же теперь погибнем на этой планете!

– Ответ отрицательный, – монотонно ответил голос. – Вы не погибнете. На планете мягкий климат и достаточно богатый природный мир. В нашем модуле нет практически никакой техники, но у меня сохранен доступ ко всем информационным базам. Основным навыкам земледелия и примитивной технологии я смогу вас научить, это заложено в моей программе. На основе этих знаний вы сможете создать простые орудия, возглавить группы тех примитивных прямоходящих, которые встречаются на Замии, и положить начало цивилизации.

– Это... это просто невозможно! – обхватил руками голову Джи-Эр. – Я не верю, что произошла такая нелепость!

Компьютер умолк, пытаясь переварить последнюю фразу своего собеседника. Затем продолжил:

– Обстоятельства таковы. Я уверен, что при минимальном потреблении моих изотопов хватит на то время, пока ваша цивилизация не окрепнет в достаточной мере. Эта планета велика, здесь есть шесть континентов и огромные запасы воды. Ресурсы звезды исчерпаны всего лишь наполовину, и в системе есть по меньшей мере несколько планет с твёрдой поверхностью – потенциально пригодных для колонизации. Кроме того, есть газовые гиганты со множеством спутников, богатых редкими элементами. У цивилизации на этой планете может быть большое будущее. Тебе надо собрать остальных членов экипажа.

Голос замолчал. Джи-Эр долго сидел, закрыв глаза. Затем вновь открыл их.

– Нет, – сказал он наконец. – Я вспомнил всё, и реальность ужасна. Я был готов к чему угодно – разгерметизации, ошибке курса, астероиду или черной дыре, но не к такому глупому концу. Мы должны были либо ждать корабли колонистов, либо возвращаться домой в

гиперсне, но никак не поднимать цивилизацию в набедренных повязках. Чему я смогу научить остальной экипаж? Как я объясню Ди-Эр, что она, вообще-то, заслуженный планетолог и дипломированный штурман космических кораблей на квантовой тяге, а не охотник за полевыми крысами?..

Пусть остальной экипаж продолжает пребывать в неведении относительно своего прошлого. Что же касается меня... – тут голос мужчины дрогнул. – Я не в силах это вынести. И начинать всё с нуля – не слишком ли серьёзная ноша для горстки людей?..

– Я не понимаю, – признался голос.

– Тебе и не понять. Я не хочу так жить. Крах нашей собственной планеты, то, что мы с ней сделали... нет, стоит дать шанс этой прожить свою собственную историю самостоятельно.

Заканчивая свою речь, Джи-Эр одновременно снимал панель с большого металлического блока за своей спиной.

– Что ты делаешь? Это опасно, – повысил интонацию компьютер.

– Я знаю, – равнодушно ответил Джи-Эр. – Хочу избавить себя и других от соблазна. А заодно и стерилизовать эту планету от всяких инородных тел.

– Ты умрёшь, – ответил голос.

– Я этого даже не почувствую, – пожал плечами мужчина, доставая длинный стержень откуда-то из глубин модуля и кладя его рядом с собой.

– Я не смогу контролировать реакцию! – сказал голос.

– Знаю, – снова кивнул Джи-Эр и, откинувшись в кресле, закрыл глаза. – Давай просто помолчим.

В модуле повисла тишина.

– Никогда не понимал вас, – раздался голос, и, как показалось Джи-Эр, в нём появилась какая-то грусть.

– Ну... – начал было мужчина, чувствуя, как в ожидании термоядерного взрыва по телу побежали мурашки. «Скорее бы всё кончилось», – подумал он, представив, как всё вокруг озаряется белым светом, и он вместе с посадочным модулем и несколькими гектарами лесного массива мгновенно превращается в излучение.

Внезапно раздался какой-то громкий треск, освещение в кабине мигнуло, и вдруг наступила темнота. Свет Танис, уже заходящей за горизонт, проникал через маленький иллюминатор, отбрасывая причудливые тени на приборную панель.

– Отец? – позвал Джи-Эр. – Что случилось?..

В ответ было лишь молчание. Мужчина поднялся из кресла и в удивлении переводил взгляд с одного датчика на другой.

Неизвестно, какие связи, условия и логические вентили судорожно замыкались в электронном мозгу бортового компьютера за мгновение до его технического самоубийства. Несомненным было одно: главная цель миссии – занести разумную жизнь Кассии на Замию любой ценой – оказалась в приоритете перед всем остальным. Блокировка электрических цепей была единственной возможностью включить аварийную механическую заглушку ядерной реакции, протекавшей под титановыми и свинцовыми кожухами в глубинах модуля.

Все эти мысли пронеслись в голове Джи-Эр, когда он трясущимися руками попытался откинуть кресло второго пилота. Его взору предстала литая панель, запертая на пироболты, без единого шанса на то, чтобы её вскрыть; где-то глубоко под ней находился реакторный блок с заваренными лазером заклёпками из вольфрама...

Мужчина откинул кресло обратно и медленно вылез из посадочного модуля, ставшего теперь совершенно бесполезным. Бледный и безжизненный спутник Замии висел высоко в чистом небе, словно наблюдая за действиями чужака, столь бесцеремонно вторгшегося в их дом.

Стоя рядом с развороченным и мёртвым кораблём, напоминавшим вскрытую консервную банку, Жи-Эр закрыл глаза руками.

Над лесной чащей прокатился громкий крик.

Борьба с Гирру

– Ну, как тебе? – прошептал Гаськов, показывая пальцем на монитор своего компьютера.

– Что это? – удивлённо пробормотал Рогов, его коллега.

Гаськов щёлкнул мышкой и остановил анимацию.

– Ты сам всё видел, – развёл руками астроном. – Выводы делать не нам. Хотя у меня уже есть некоторые соображения, но без спектрального анализа всё равно говорить о чём-то конкретном ещё рано.

– Ну-ка, покажи ещё раз, – попросил Рогов.

Астроном нажал несколько клавиш на клавиатуре.

– Пожалуйста!

На экране вновь замелькали кадры.

– Вот, – показал пальцем на монитор Гаськов. – Это первый снимок 2036 SS₃₅. Он поступил нам примерно месяц назад, и тогда никто не заметил ничего необычного. Потом нам поступали ещё фотографии, но разобраться с ними мне всё было недосуг; эксцентриситет и орбиту 2036 SS₃₅ – кстати, тогда кто-то и придумал назвать его «Гирру» – к тому моменту уже установили с высокой точностью, и, поскольку никакой угрозы для Земли астероид не представлял, про него уже все успели позабыть.

– А как же ты тогда отыскал вот это всё? – качнул головой в сторону компьютера Рогов.

Астроном сложил руки на груди и откинулся на спинку компьютерного кресла.

– Когда папка с фотографиями превысила терабайт, волей-неволей пришлось её чистить, – сказал Гаськов. – Вот тогда-то я и обнаружил эти интересные вспышки на поверхности Гирру.

– Кстати, что за название-то такое дурацкое? – поморщился его собеседник.

Гаськов пожал плечами:

– В честь какого-то древнего божка, как я понял, только не помню, из чьей мифологии. Кажется, древних шумеров... В общем, я сначала принял это явление за обычный дефект съёмки – ну знаешь, артефакты камеры и всё такое – но, изучив остальные изображения, понял, что речь идёт о чём-то другом.

– Ну, а из-за чего такое может происходить? – поправив очки, снова уставился на экран Рогов. – Не может же быть на нём вулканической активности...

Оба учёных на некоторое время замолчали, разглядывая сменявшие друг друга фотографии астероида.

– Этот, например, – снова остановил анимацию астроном. – Вот, очень чётко видно...

Яркая белая вспышка заметно выделялась на сером фоне поверхности астероида, и не заметить её было невозможно.

– Качество фотографий, конечно, оставляет желать лучшего, – заметил Рогов. – Тут даже края этого Гирру... или как он там? В общем, сам астероид-то едва различим на фоне неба.

– Согласен... – пробормотал астроном, сосредоточенно щёлкая мышкой. – Это же так, пристрелочные снимки с «Бруно». Вот если бы сфотографировать Гирру с орбиты, был бы совсем другой разговор!

– Ну, для этого обычно нужны веские основания... – задумался Рогов. – А что ты думаешь увидеть нового на более детальных снимках?

Учёный почесал голову.

– Я, если честно, даже и не знаю, – ответил Гаськов. – У меня есть предположение, что эти вспышки – не что иное, как обычные солнечные блики, отражаемые от каких-то пород или минералов на поверхности астероида при его вращении.

– Вроде вспышки иридума? – задумался Рогов.

– Ну что-то такое, да, – кивнул астроном. – Только я не знаю, что вообще может так отражать на поверхности астероида? Мы никогда ещё не сталкивались с подобными феноменами...

– Может быть, это кристаллы льда или какой-нибудь сплав? – предположил Рогов.

– Кто знает, – хмуро ответил Гаськов и поднялся из кресла. – Я собираюсь выступить с докладом в понедельник. Тебя ждать, или ты как обычно?..

– Ну, раз такое дело, загляну, – зевнул учёный. – Ты домой? Уже восьмой час вообще-то, – и астрофизик пощёлкал пальцем по стеклу наручных часов.

– Да нет... – буркнул Гаськов и прошёлся взад-вперёд по своему кабинету. – Я тут ещё посижу.

– Ну, тогда увидимся уже после выходных! – И Рогов, ответив на вялое рукопожатие коллеги, направился к двери.

Астроном ещё несколько раз прошёл вдоль своего стола и остановился рядом с окном. Окинув задумчивым взглядом разложенные по всему столу фотографии и копии отчётов, Гаськов снова обречённо упал в своё кресло.

«Возможный астероид обнаружен 16 сентября обсерваторией им. Стивена Хокинга... ориентировочный диаметр – два с половиной километра... вероятностная угроза Земле по классу S-VI...» – вновь принялся проглядывать астроном первые сводки об открытии Гирру.

«Сверка по параллаксу дала корректировку по дистанции и размеру тела...» – это был уже следующий, уточнённый отчёт. «Размер тела – около трёх километров в поперечнике, форма неправильная, типа IRR-med... обнаруженный астероид № 2036 – полное наименование – (692831) 2031 SS₃₅ – получил имя Гирру... максимально возможное сближение с земной орбитой – не более, чем четыре миллиона километров...»

Дальше шёл длинный ряд цифр, описывающих параметры установленной орбиты астероида, его эксцентриситет, альbedo, предполагаемый состав и прочие характеристики.

«По первому впечатлению – самый заурядный космический бульжник», – подумалось астроному. «Таких уже три четверти миллиона открыто по всей Солнечной системе. Но ведь нигде, ни на одном из них не наблюдалось ничего похожего на эти вспышки...».

Гаськов отложил документы и обречённо вздохнул.

* * *

Примерно через девять месяцев после выступления астронома Юрия Гаськова об аномалиях, наблюдаемых на поверхности Гирру, автономный модуль «Гершель-8» вышел на устойчивую орбиту вокруг Солнца между Землёй и Венерой.

К этому времени о Гирру уже были собраны тонны самых разнообразных сведений, но природа загадочных вспышек на поверхности астероида сих пор оставалась непонятной.

Одной из задач «Гершеля-8» был тесный пролёт мимо Гирру и подробная съёмка его поверхности в различных спектрах. На основе полученных данных планировалось создать объёмную карту астероида и составить план-схему с обозначением всех гор и впадин на его поверхности.

Олег Журавлёв, уже более двух десятков лет подряд бессменно занимавший пост директора Агентства, имел на Гирру особые виды. Аномалии на поверхности 2036 SS₃₅ не были похожи ни на что, с чем астрономам ранее доводилось сталкиваться. Целые отряды аналитиков штурмовали спектральные и позиционные данные, засматривали до дыр постоянно поступающие с «Джеймса Вэбба» новые фотоснимки Гирру, сделанные в высококачественном разрешении – однако астероид, прозорливо названный в честь древнего аккадского бога огня, упорно не желал раскрывать людям свои секреты.

– Период вращения Гирру вокруг своей оси: 24 минуты, 15 секунд. Полный оборот вокруг Солнца, по-видимому, занимает примерно двести с небольшим лет: дуга, которую описывает

Гирру, очень вытянута... – монотонно бубнил кто-то из очередных спецов. Журавлёв кивал, слушал, давал поручения и собирал совещания, но вскоре всем становилось ясно: никакие удалённые исследования не позволят раскрыть загадку феномена Гирру.

Пролёт «Гершеля» был лишь первым штрихом. Журавлёв уже не надеялся, что простые фотографии, пусть и очень качественные, смогут пролить свет на природу аномальных бликов астероида. Основная цель была иная.

Дело в том, что в одной из точек Лагранжа системы Земля-Солнце ещё несколько лет назад Агентством были законсервированы два исследовательских модуля поколения «Эол» – межпланетных исследовательских станций. Изначально линейка из МИС-5,6 и 7 предназначалась для исследования предположительно богатых редкоземельными элементами астероидов Главного пояса, однако после их вывода на заданную траекторию Агентство приостановило проект. МИС-6 направили на Диону, а последние две модели, седьмая и восьмая, с почти полным запасом топлива были отбуксированы на точку неустойчивого гравитационного равновесия L1, где и находились по настоящее время.

Прошло пять лет, и теперь Журавлёв решил разыграть этот уже позабытый многими козырь. Так, в случае, если данные «Гершеля» будут удовлетворительными, один из модулей вполне реально отогнать к Гирру и высадить на его поверхность – на аппарате имелся небольшой транспортёр, без манипуляторов, но с хорошими камерами и даже миниатюрным буром.

Общий вес всего научного оборудования, без учёта горючего – меньше сотни килограммов, а значит, с движками МИСа весь путь до астероида не займёт больше месяца. Вполне выполнимая задача...

– У нас почти нет опыта посадки станций на тела со столь незначительной гравитацией, – заметил один из консультантов Журавлёва, когда тот высказал ему свою идею. – Велика вероятность просто потерять модуль, разбив его о поверхность...

– ... либо промахнувшись мимо, – закончил фразу директор Агентства. – Однако МИСы – очень высокотехнологичные аппараты, на них ставилось самое современное оборудование. Если кто и сможет приоткрыть завесу над тайной Гирру, то только наши межпланетники.

Межпланетные исследовательские станции также часто называли межпланетниками, подразумевая их исключительную автономность и многофункциональность. Очень экономичные во всех отношениях, «МИСы» легко разгонялись до нескольких десятков километров в секунду и способны были с относительной лёгкостью покрывать расстояния между внутренними планетами Солнечной системы. Двигатели торможения были совсем миниатюрными, но при должном расчёте позволяли посадить аппарат на какое-либо космическое тело, не имеющее атмосферы.

А «Гершель-8» тем временем упорно продвигался всё дальше и дальше по своей вытянутой гелиоцентрической орбите, приближаясь к точке максимального сближения с Гирру. Относительно Солнца скорость астероида была невелика, поэтому аналитики Агентства решили прогнать космический аппарат впритирку к Гирру, на дистанции не более сотни километров. Ввиду размеров астероида опасности для станции в этом никакой не было, однако по данному поводу в орбитальном отделе Агентства разгорелись нешуточные споры.

Часть специалистов полагала, что имеющееся на «Гершеле» горючее необходимо применить для торможения и снизить максимальное расстояние пролёта с Гирру вплоть до нескольких километров. Другие возражали, что после подобного манёвра дальнейший потенциал «Гершеля» станет фактически равным нулю: космический аппарат будет дрейфовать в открытом космосе со столь незначительной скоростью, что использовать его для каких-либо исследований уже не будет представляться возможным.

– В конце концов, изначальная миссия «Гершеля» – спектральный анализ скальной породы на Дактиле, а не этот обломок! – горячился кто-то из планетологов. В ответ ему возразил астроном Гаськов:

– Цель «Гершеля» – проведение актуальных исследований! Сейчас удобнее всего исследовать Гирру именно с помощью «Гершеля», так почему нам надо от этого отказываться?..

Когда пошла речь об окончательной корректировке траектории модуля, руководством Агентства было принято промежуточное решение – скорость космического аппарата снизить, но при этом сохранить половину от всего оставшегося топлива, чтобы в дальнейшем «Гершелю» вновь можно было придать ускорение.

– Миссия к астероидной паре Ида-Дактиль была ориентирована примерно на два года, – постучал карандашом по распечатанному расчёту Журавлёв. – Ну что ж, вместо двух лет на неё уйдёт пять – зато мы получим фотографии Гирру с расстояния примерно в два десятка километров. Меня, на самом деле, волнует несколько другое.

На оперативном совещании присутствовали руководители из нескольких отделов Агентства, а также несколько астрономов и конструкторов, занимавшихся разработкой «Гершеля-8».

– Дело в том, что в непосредственной близости от Гирру наша станция будет лишь считанные часы, – продолжал Журавлёв. – Затем расстояние вновь станет стремительно расти, и спустя всего двое суток камеры «Гершеля» уже не позволят делать хоть сколько-нибудь интересные для нас снимки.

– Времени вполне хватит, чтобы провести все необходимые исследования, – заметил один из специалистов.

– Да, но дело не только в фотографировании поверхности, – и Журавлёв указал пальцем на разложенные перед ним фотографии астероида. – Выявить какую-либо закономерность в периодичности и локализации вспышек на Гирру до настоящего времени нам не удалось, а значит, приходится надеяться на простое везение.

– В каком смысле? – кто-то переспросил директора.

Журавлёв вздохнул.

– Я уверен, что фотоснимки поверхности Гирру ничего существенного нам не дадут. По-настоящему интересно было бы увидеть проявление феномена в динамике – либо хотя бы просто получить снимки поверхности, сделанные до и после вспышек, для дальнейшего исследования данных участков.

– Вспышки происходят в среднем одна в сутки, – заметил Юрий Гаськов. – Но это лишь то, что касается крупных, которые нам удавалось регистрировать издалека. Есть предположение, что на самом деле их гораздо больше, но мы видим только самые значительные.

– Ну, вот «Гершель» это и выяснит, – мрачно подвёл итог директор Агентства.

* * *

– Что с телеметрией, разобрались?..

Журавлёв хмуро прошёлся вдоль ряда мониторов и остановился.

– Временные помехи, Олег Дмитриевич... – ответил кто-то из техников, и в кабинете снова повисла тишина.

– Точка сближения – двадцать два с половиной километра, с поправкой на пятьдесят метров! – раздался чей-то энергичный голос. – Время до максимума – двадцать два часа и сорок минут.

– Пока ничего интересного? – повернулся директор к руководителю технического отдела. Тот отрицательно помотал головой:

– Я велел операторам дать команду на непрерывную съёмку. Пока что – ни одной вспышки...

Потекли длительные часы ожидания. От «Гершеля» начали непрерывно поступать всё новые и новые данные, одну за другой на мониторы выводили новые фотографии.

Было отчётливо видно, как из тьмы навстречу космическому зонду начинает выступать огромная скала. Сначала Гирру был виден как небольшое пятнышко, затем пятнышко приобрело форму, объём, на нём стали легко различимы множество мелких деталей – обрывы, сколы, куски некогда застывшей породы, длинные и зигзагообразные борозды.

Расстреливаемый в упор двенадцатидюймовым объективом главной камеры зонда, загадочный астероид величественно проплывал мимо, медленно поворачиваясь вокруг своей оси и унося свою тайну в глубины космоса. Вот уже перестали быть видны небольшие ударные образования на его поверхности, вновь сливаясь в единую серую картинку...

Журавлёв молча пыхтел, листая на своём компьютере одну за другой поступающие непрерывным потоком фотоснимки. Ничего, ничего... снова пусто. Абсолютно ничего!

Сбывались худшие ожидания директора Агентства – ни на одной из фотографий Гирру не было ни малейшего намёка на какие-либо вспышки.

– Вот дьявол... – стукнул Журавлёв кулаком по деревянной столешнице и тут же, охнув, принялся энергично растирать ладонь.

– Олег Дмитриевич, новые данные по плотности и гравитации! – занёс в кабинет целый ворох каких-то только что отпечатанных бумажек один из астрофизиков и тут же убежал обратно. Директор хмуро покивал и, даже не глядя на принесённые бумаги, стал наворачивать круги по своему кабинету.

Как так? Почему вдруг такое невезение?.. Или же...

Директор задумался, а затем решительно направился обратно в центр управления полётами.

– Так, Антон, мне будут нужны композиционные снимки, – ещё с порога начал давать указания директор. – Максимальное разрешение, причём во всех спектрах. Также понадобится объёмная карта – и как можно скорее. К понедельнику успеете?

– Камушек-то крохотный, – пожал плечами Антон Дронов, один из ведущих программистов Агентства. – Сделаем в лучшем виде.

– Тогда утром в понедельник – все отделы ко мне, – обвёл руками Журавлёв всё помещение ЦУПа. – Устроим небольшой мозговой штурм. Пора заканчивать со всеми этими тайнами.

* * *

– Есть, Олег Дмитриевич! – упав без спроса на диван в приёмной, Дронов победно смотрел на Журавлёва, ещё не успевшего даже снять пальто.

– Ну? – вопросительно остановился перед программистом директор Агентства.

– Пришлось повозиться, но на предельном увеличении нам удалось засечь вспышки, – сказал Дронов и снова вскочил с дивана – видимо, на месте ему всё же не сиделось.

– Ага! – зажглись азартом глаза Журавлёва.

– Всего мы слепили больше тысячи кадров и каждый досконально изучили. За двое суток пролёта «Гершеля» мимо Гирру на поверхности астероида произошло пять вспышек, из них одна – на затемнённой стороне.

– Что-нибудь удалось разглядеть?

– К сожалению, ни одна из вспышек не произошла в момент наибольшего сближения, – развёл руками программист. – Самое лучшее изображение получено с расстояния в семьдесят километров; вспышка видна очень чётко, но что-либо конкретное в этом месте на поверхности разглядеть нам не удалось. Порода как порода – силикаты, повышенное содержание железа, никеля... – Дронов умолк, и Журавлёв задумался.

– Вот что, – начал директор Агентства. – Скидывай мне всё, что вы накопили. Надо будет тщательно изучить на предварительных снимках те участки, где потом произошли вспышки... К сегодняшнему совещанию уже нужна максимально подробная информация, хорошо?

– Сделаем что успеем, Олег Дмитриевич! – программист кивнул и сразу же двинулся к выходу из приёмной директора.

* * *

Обсуждение уже подходило к концу.

– ... Ну что же, во всяком случае, это точно не карликовые гуманоиды, – прокомментировал один из конструкторов, разглядывая очередной передаваемый по кругу фотоснимок. – А вот зря смеётесь, я и такой вариант уже прочитал в интернете.

– Олег Дмитриевич, у нас тут данные скорректированы, – откашлялся Зорькин – руководитель орбитального отдела. – Не очень существенно, но вообще это странно. Дело в том, что вращение Гирру не совсем стабильно...

– В каком плане? – нахмурился директор Агентства, а остальные присутствовавшие на совещании специалисты сразу же повернулись к говорившему.

– Судя по измерениям, он двигается какими-то рывками, – сказал Зорькин. – На большом расстоянии это не заметно, но изучая данные, полученные с «Гершеля-8», мы выявили небольшие колебания орбитального движения.

– Насколько небольшие? – сразу стал серьёзным Журавлёв, а несколько присутствовавших на совещании астрономов переглянулись – нестабильные астероиды всегда несли потенциальную угрозу.

– Крайне незначительные, – отрицательно помотал головой специалист и продолжил:

– По последним из обработанных нами данных «Гершеля» мы установили небольшое ускорение Гирру при закручивании. При этом общее же изменение скорости настолько мало, что существенное смещение со стабильной орбиты могло бы произойти не ранее, чем через пятьсот витков, а с его периодом обращения – это не меньше десяти тысяч лет. И всё же мы такого пока ещё не наблюдали, – закончил Зорькин. – Понятно, когда вследствие какого-нибудь столкновения метеороид или астероид закручивает, но Гирру постоянно меняет своё положение по всем осям.

– У кого-нибудь ещё есть что добавить? – поинтересовался Журавлёв. – Если нет, то я подведу краткий итог.

Директор поднялся со своего места и подошёл к небольшой кафедре с установленным на неё микрофоном.

– Как и ожидалось, «Гершель-8» дал много новой, местами весьма интересной информации о Гирру, но к разгадке феномена вспышек на его поверхности никак нас не приблизил. Наиболее подробные фотоснимки астероида не выявляют никаких аномалий; на поверхности Гирру определённо нет ничего, что могло бы самостоятельно излучать свет.

Даже самые дикие версии – про радиоактивные элементы, выбросы газа и так далее – были нами проработаны и откинута. В астероиде нет ни полостей, ни какой-либо разнородной внутренней структуры; это обычный вытянутый камень размером примерно две на три тысячи метров.

И сейчас он находится на расстоянии примерно в одну десятую астрономической единицы от Земли.

Присутствовавшие сосредоточенно слушали Журавлёва, пытаясь угадать, к чему он подводит свою речь.

– Как вы должны помнить, у нас есть две межпланетные разведывательные станции, седьмая и восьмая, которые находятся в режиме гибернации в полутора миллионах километров от Земли. Одну из них, например, МИС-7, вполне возможно использовать для высадки на поверхность Гирру и взятия образцов с его поверхности. У нас есть окно примерно в месяц, пока астероид не подойдёт слишком близко к Солнцу.

– Станции хватит времени догнать Гирру? – спросил Гаськов, прищурившись.

– Более чем, – повернулся к астроному кто-то из техников. – Наши «МИСы» планировалось оперативно перебрасывать сразу за несколько астрономических единиц, поэтому одним из основных достоинств этой линейки является повышенная мобильность.

– При желании высадиться на Гирру можно уже через неделю, – веско сказал директор Агентства и, не сдерживая своего волнения, снова поднялся со своего места. – Мне уже предоставили предварительный отчёт из технического отдела, но для запуска миссии этого недостаточно.

В совещательном зале началось оживление.

– Ого! – заметил кто-то. Двое техников сразу же принялись прикидывать в своих ежедневниках какие-то расчёты, поминутно сверяясь друг с другом. Один из астрономов, Сергей Зубарев, нервно скрестил руки на груди и заметил:

– А почему это, когда у нас был прекрасный вариант исследовать 3X/Косарева-Зубарева, мы не использовали «МИСы», а из-за какого-то астероида сразу же готовы лететь сломя голову к чёрту на рога? – возмущённо заявил он.

– Сергей, да ты же и без той высадки защитил свою кандидатскую, – усмехнулся директор Агентства и продолжил:

– У кого-нибудь есть возражения против беспилотной миссии? Я имею в виду существенные возражения, а не реплики в стиле «это слишком опасно», – усмехнулся Журавлёв. – Космос, знаете ли, вообще шуток не любит.

* * *

Спустя два дня после совещания на внешнюю антенну МИС-7, дрейфовавшей в открытом космосе на расстоянии примерно полутора миллионов километров от Земли, поступил короткий электромагнитный импульс.

Прошла крохотная доля секунды, пока сигнал раскодировался процессором, и затем, словно по взмаху волшебной палочки, космическая станция ожила после пятилетней спячки.

Механические шестерни, сокрытые глубоко в пластиковом кожухе зонда, пришли в движение, разворачивая в сторону Солнца панели солнечных батарей; заработала система солнечной и лунной ориентации, приводя в действие реактивную установку маневрирования.

МИС-7 последовательно включила все датчики и камеры; компьютер проверил работоспособность бортовых систем, позиционирование станции, после чего передал на Землю, в ЦУП, сигнал о полной готовности аппарата к работе.

– ... Есть, – воскликнул Нестеренко, ведущий специалист технического отдела и один из операторов МИСов. – Пришёл сигнал от семёрки, Олег Дмитриевич. Всё оборудование нормально функционирует, со всех показателей идёт подтверждение.

– Запускай программу полёта, – кивнул Журавлёв и навис над монитором Нестеренко, где в реальном времени выводились все основные показатели космического аппарата.

Нестеренко нажал клавишу ввода, и спустя примерно пять секунд, когда сигнал мощной антенны ЦУПа достиг межпланетной станции, МИС-7 начал медленно разворачиваться на месте.

– Программа запрашивает начало первого цикла, – сказал программист и облизнул сухие губы.

– Запускай... – процедил сквозь зубы директор Агентства, и Нестеренко ввёл в окне программы полёта какую-то короткую команду.

Межпланетная станция, неподвижно висевшая в пространстве на взаимном притяжении Земли и Солнца, бесшумно выплюнула небольшую порцию углекислоты из миниатюрного сопла и сорвалась с места, устремляясь в погоню за Гирру.

– Уровень топлива – около семидесяти процентов, – пробормотал кто-то из отдела управления.

– Дойдём примерно до пятидесяти и начнём торможение, – сказал Нестеренко, поворачиваясь к директору Агентства. – На такой скорости мы догоним астероид примерно за двести десять часов полёта, даже с учётом его собственного ускорения при приближении к Солнцу.

– Можно было бы и быстрее... – недовольно проворчал Журавлёв.

– Смысла спешить нет, – подошёл с какими-то расчетами к нему Гаськов. – Всё равно астероид ещё не успел достаточно разогнаться, наша станция гораздо мобильнее. А каждый грамм горючего нам ещё может понадобиться при маневрировании во время посадки, взлёте и так далее...

– Да знаю, знаю, – отмахнулся Журавлёв и снова уставился на главный монитор ЦУПа. Затем потоптался за спинами техников и с видимым сожалением потянулся к выходу из зала.

– Докладывайте мне постоянно о статусе миссии. И по каждой команде, которую подаёте станции, тоже предварительно запрашивайте подтверждение! – указал напоследок Журавлёв и прошёл к лифту.

– Волнуется старик, – вполголоса заметил Нестеренко, не отрывая пальцев от клавиатуры. Его сосед заметил:

– Ещё бы! Он ведь скоро на пенсию. А знаешь, что с ним сделают в министерстве, если вся эта авантюра не выгорит?..

Нестеренко вздохнул:

– Это понятно. А ведь посадить на Гирру нашу станцию будет не просто... это даже не на Деймос сажать, наш астероид на порядки меньше.

– Справимся, – лаконично ответил Гаськов, останавливаясь рядом с техниками. – И не на такие обломки сажали аппараты.

* * *

– Сколько ещё? – спросил Нестеренко.

– Всего минута, – ответил кто-то, наблюдавший за монитором общего статуса миссии. – Сейчас станция включит двигатели посадки.

Примерно за четверть часа до этого МИС-7 развернулась вокруг своей оси, направив сопло своего двигателя прямо на стремительно приближающийся астероид. После включения полной тяги станция начнёт быстро терять скорость, и к моменту полного контакта взаимная скорость сближения станет равной нулю.

– А если станция отскочит, прежде чем буры полностью войдут в породу? – пробормотал Гаськов.

– Мы это предусмотрели, – ответил Нестеренко. – Сразу после контакта на несколько секунд прижмём МИС к поверхности с помощью реактивных двигателей ориентирования, пока свёрла будут проводить сцепку с Гирру.

– Так! – Журавлёв, до этого времени молча следящий за показателями станции, резко вскинулся и подошёл к командному пульту. – Сейчас должна сработать автоматика...

– Есть зажигание! – крикнул Нестеренко, и показатели количества горючего сразу же стремительно побежали вниз.

– Данные радаров? – повернулся к техникам директор Агентства.

– Сверяемся непрерывно, – кивнула Ольга Гуляева из техсектора, помогавшая Нестеренко отслеживать показания мониторов. – Скорость сближения уже не больше сотни метров в секунду и продолжает падать.

– Дистанция – два и два километра, – сказал Нестеренко. – До контакта меньше тридцати секунд.

Снова стук клавиш, нервное покашливание директора Агентства, негромкие переговоры программистов – и резкий голос астронома Зубарева:

– Вышли на ноль!

– Контакт, – резко сказал Нестеренко и щёлкнул каким-то тумблером на управляющей панели. – Сейчас программа должна перевестись на стыковку...

– Стоп, стоп, – нахмурился Журавлёв. – Это ещё что такое?..

Директор Агентства ткнул пальцем на монитор, куда выводились технические показатели МИС-7.

– Куда делась вся телеметрия?!

Нестеренко стал проверять одно за другим окна программы, подавая запросы на подтверждение статуса миссии. Несколько техников вскочили со своих мест и понеслись к дублирующему командному пульту; кто-то побежал на контрольный пункт управления связи, проверять соединение с передатчиком.

– «Ошибка: статус миссии установить не удалось», – прочитал Журавлёв. – Что у нас с антенной?!

– С антенной всё в порядке, – растерянно ответила Гуляева. – Это не в сигнале дело, что-то с автоматикой...

– Компьютер сгорел, что ли? – выругался Гаськов и заложил руки за спиной.

Один из программистов помотал головой:

– Нет, тогда бы сразу же включился запасной процессор, у нас на всех МИСах каждый узел продублирован минимум дважды. Может быть, от удара...

– Какого удара! – отмахнулся астроном. – Мы были на нулевой скорости за полсекунды до всей этой ерунды, всего лишь и оставалось включить сопла ориентации и прижать модуль вплотную к астероиду. – С этими словами Гаськов сам уселся за один из пультов и начал яростно листать одно за другим окна состояния миссии.

– Больше сигналов так и не поступило, – проверил Нестеренко. – Самое печальное, что мы даже не знаем, что случилось с нашей станцией...

На директора Агентства было страшно смотреть. Все присутствовавшие притихли, ожидая, что сейчас разразится гром, но Журавлёв махнул рукой и молча поплёлся к выходу из ЦУПа, негромко сказав:

– Постоянно проверять сигнал. Несколько человек должны неотлучно дежурить у пультов. Все остальные вместе с самой подробной инструкцией МИС-7 и последними снимками Гирру, которые станция сделала перед столкновением, – ко мне в кабинет, через час. Совещание будет закрытое.

* * *

Снимки поверхности астероида, сделанные в упор, абсолютно ничего не дали – равно как и подробный анализ и перебор всех комплектующих межпланетной автоматической станции. Спустя несколько часов непрерывающегося спора заместитель директора Агентства Фролов Андрей объявил совещание оконченным и распустил всех специалистов.

Сам директор ещё за час до окончания совещания покинул его.

– Всё равно никаких фактов, – угрюмо сказал Журавлёв. – Работать не с чем, нормальных версий ни у кого нет.

Фролов зашёл в кабинет Журавлёва.

– Техники настаивают, что единственное, что могло бы мгновенно и полностью оборвать всю связь с МИС-7 – это возгорание остатков горючего, – развёл он руками, присаживаясь на диван.

– Мы раз сто просмотрели все показатели приборов за секунду до аварии, – возразил Журавлёв. – Не наблюдалось ни падения давления, ни каких-либо перебоев в электрических цепях или скачков напряжения... ни единого намёка на короткое замыкание! Станция работала как часы! – И, выругавшись, директор с силой бросил о стол свою тяжёлую ручку.

Наступила тишина.

– На снимках, которые снимала станция, есть вообще что-нибудь интересное? – устало спросил Журавлёв спустя полминуты.

Фролов качнул головой из стороны в сторону.

– Вообще ни одной вспышки за всё время сближения, – сказал заместитель директора.

– Вот что... – сделал глубокий вдох директор Агентства и посмотрел на своего заместителя. – Давай-ка дадим программистам переписать программу полёта. Я не хочу так просто отступить.

Увидев, как вопросительно поднялись брови у Фролова, Журавлёв кивнул:

– Да. Я предлагаю использовать вторую станцию, МИС-8.

* * *

– В принципе, это возможно, – возбуждённо говорил Нестеренко. – Мы сожжём почти всё топливо, какое ещё оставалось на межпланетнике, но зато разгоним аппарат примерно до тридцати километров в секунду – а такая скорость позволит ему догнать Гирру.

– Где-то через месяц Гирру достигнет апогея, – заметил Гаськов. – Тогда астероид подойдёт максимально близко к Солнцу. Нам надо успеть до этого момента...

– Примерно три недели полёта, с учётом такого разгона, – кивнул один из программистов. – Остаток горючего уйдёт на торможение; к этому времени относительная скорость самого астероида будет уже очень высока, почти к третьей космической...

Журавлёв провёл карандашом линию между Гирру и Солнцем, грубо нарисованными на тетрадном листе:

– Речь о возврате не идёт, я правильно понимаю?

– Горючего на обратный путь не будет, – кивнул Фролов. – Припаркуемся на астероиде и займёмся его изучением, а там уже сориентируемся, как быть дальше.

– Я беру на себя Комитет и Министерство, – мрачно сказал директор Агентства. – Времени у нас в обрез, сами понимаете. Расчёты все подготовить прямо сейчас. Как только программа будет готова – сразу же реанимируем МИС-8 и даём полную тягу...

* * *

У Гаськова было ощущение дежавю – к ненавистному астероиду вновь летела межпланетная станция, а они стояли в помещении ЦУПа и следили за телеметрией. Но многое в этот раз было и по-другому: например, на зонде теперь постоянно работала камера, передавая изображение на Землю; орбитальный телескоп «Лаплас» был развёрнут точно на место встречи Гирру с межпланетником – на этом настоял лично Журавлёв.

– Посмотрим теперь, кто кого, – постоянно бормотал директор Агентства, заряжая своим фанатизмом прочих сотрудников. Помимо обычного интереса теперь у Журавлёва были к астероиду личные счёты – гибель космической станции безо всяких видимых причин совершенно выбила директора Агентства из колеи.

Утрата МИС-7 прошла для Агентства относительно спокойно – поскольку никаких сведений о том, что именно с ней случилось, у сотрудников не имелось, новость о потере связи со станцией не слишком потрясла научное сообщество. Некоторые оптимисты продолжали ожи-

дать сигнала с МИС-7, но Журавлёв на собственном опыте знал, что означают такие внезапные исчезновения в космосе, и не питал по этому поводу лишних иллюзий.

Теперь, когда на штурм Гирру отправился уже второй по счёту аппарат, в помещении ЦУПа было не протолкнуться.

– У наших астрономов новая теория, – раздвинув локтями строй учёных, протиснулась к Журавлёву оператор отдела астрономического контроля Лена Стрельникова. – Возможно, Гирру содержит большое количество твёрдого газа под поверхностью, и по мере приближения к Солнцу этот газ начинает испаряться, просачиваясь через микротрещины...

– Нет там никакого газа, – буркнул Фролов. – Равно как и каких-либо полостей. Астероид просвечен на всех частотах вдоль и поперёк ещё «Гершелем»...

– Поступил сигнал о начале торможения, – перебила их Гуляева, и в зале сразу же началось заметное оживление.

– Тяга девяносто процентов, – прокомментировал выводимые на монитор показатели Нестеренко и повернулся к остальным сотрудникам. – Еще где-то полминуты, господа...

– Дистанция? – хрипло спросил Журавлёв.

– Пятьсот метров, – бодро отрапортовал Нестеренко.

Вдруг из другого угла командного мостика раздался чей-то взволнованный голос:

– Олег Дмитриевич, кажется, вспышки!

Директор Агентства, опережая своих сотрудников, быстрыми шагами понёсся к пультам контроля оборудованием.

– Да вот... – показал пальцем на телекамеру Абрамов Сергей, один из техников, контролирующих показания телекамер МИС-8.

– Да там, похоже, и не одна вспышка... – пробормотал Фролов, вместе с остальными сотрудниками вглядывавшийся в дрожащее изображение поверхности Гирру.

– Скорость упала уже до двадцати, дистанция – двести метров, – повернувшись к экрану состояния миссии, сказал Нестеренко.

– Это приближение?... Дай-ка реальный вид, – сказал Абрамову директор Агентства, вглядываясь в монитор.

Техник пощёлкал клавишами, и сотрудникам Агентства открылся вид на стремительно приближающийся астероид.

– Сто пятьдесят, – прокомментировал Нестеренко. – Скорость – десять в секунду.

Тяга двигателей постепенно уменьшалась – догорали последние килограммы горючего МИС-8.

– Я не понимаю... как будто какие-то вспышки были, нет? – прищурившись, спросил у своих коллег Фролов и, сняв очки, начал вглядываться в видеоизображение Гирру, занимавшее уже целый экран.

– Были... – рассеяно ответил ему Нестеренко, отстраняясь от пульта, и добавил:

– Дистанция – сорок, скорость – пять метров...

Внезапно по залу прокатился громкий вздох, и все полсотни сотрудников, толпившихся в ЦУПе, разом заговорили:

– ... Что это?!

– Смотрите, смотрите!

– Вот, видишь, а я говорил!..

Все возгласы смешались в единый гул, а Журавлёв, не отрывая взгляда от экрана, обхватил голову руками.

На экране было видно, как внезапно вся поверхность астероида под космической станцией ярко вспыхнула белым светом. Секунда – и экран окутало белой непроницаемой пеленой, скрыв от взоров учёных поверхность астероидов.

– Телеметрия?!.. – простонал директор Агентства.

Сглотнув, Нестеренко выкрикнул:

– Нормально! До контакта две секунды, топливо в ноль...

Журавлёв, не веря, что МИС-8 ещё продолжает штатно функционировать, резко повернулся к общему пульту.

– Где? – прохрипел он. Программист, с бледным как мел лицом, молча стоял рядом, глядя на продолжавшие бесстрастно мерцать мониторы.

Все показатели были пусты – информации от аппарата в ЦУП больше не поступало.

* * *

– Как он? – Стрельникова с мрачным лицом посмотрела на заместителя директора Агентства. Фролов только отмахнулся.

– Давно уже как уехал, – проворчал он и вздохнул. – Ни о чём разговаривать не хочет.

От такого страшного удара, как потеря двух перспективных космических станций последнего поколения друг за другом меньше чем за месяц, Агентству придётся ещё долго оправляться. С момента предполагаемого контакта прошло уже несколько часов, и связь с МИС-8 установить так и не удалось. Такой промах уже не сможет остаться незамеченным, и это понимали все сотрудники.

– Что-то ещё удалось разглядеть на снимках или на записи? – помолчав, спросил Фролов. – Может, с «Лапласа»?..

Лена нахмурилась, затем повернулась к своему собеседнику.

– Я в этой истории уже ничего не понимаю, – произнесла женщина. – Сейчас до Гирру уже далеко, поэтому качество записи с телескопа оставляет желать лучшего, но всё же на ней отчётливо видно, как за несколько секунд до контакта с нашей станцией астероид начал светиться.

– Что? – выдохнул Фролов.

– То же самое, что мы наблюдали в ЦУПе. – Стрельникова внимательно посмотрела на заместителя директора Агентства. – Это точно был не сбой камер.

* * *

– Гирру теперь вне досягаемости – сейчас астероид уже внутри орбиты Меркурия, – подытожил дискуссию Фролов. – Через несколько месяцев Гирру снова пройдёт мимо Земли, после чего направится в сторону облака Оорта, и в ближайшие несколько столетий мы его не увидим.

Состояние у всех присутствовавших было подавленное. Совещание проходило в отсутствие директора Агентства, и присутствовало на нём меньше десятка человек – руководители всех отделов и отдельно приглашённые заместителем директора Гаськов с Нестеренко.

– Кстати, – устало заметил Зорькин. – В нашем отделе до сих пор так и не разобрались с орбитой Гирру. Каждый раз, когда программа даёт траекторию астероида, приходится делать какие-нибудь незначительные поправки... например, по последним данным «Лапласа», после эпизода с МИС-8 астероид сильно закрутило по горизонтали.

– Это, кстати, косвенно подтверждает версию о газе, который парит и создаёт реактивные струи, которые и вертят астероид в разные стороны... – вяло кивнула Стрельникова.

Больше никто ничего не высказал, и Фролов разумно решил, что на сегодня пора заканчивать.

– Итак, – начал он, положив локти на стол. – Как я понимаю, никаких реальных версий, идей и конструктивных предложений больше ни у кого нет...

– А какие ещё могут быть версии? – огрызнулся со своего места Нестеренко. – Горючее у МИС-8 на момент потери связи отсутствовало, взрываться было совершенно нечему.

Кроме того, сигнал со станции шёл ещё несколько секунд после того, как камеры зафиксировали вспышку.

– Но это же явно не совпадение, – заметил Фролов.

– Конечно, нет, – буркнул программист. – Только я пока что никакой связи не вижу.

– Ладно. – Махнул рукой Фролов и поднялся. – Давайте-ка заканчивать наше совещание.

Подождём, когда будет готов подробный технический отчёт, полномасштабные снимки... в общем, возможно, появятся ещё какие-нибудь сведения о Гирру, а сейчас не будем гадать.

Сотрудники Агентства в задумчивости расходились. Нестеренко на секунду задержался рядом с Гаськовым и, повернувшись к собиравшему со стола свои бумаги астроному, спросил у него:

– Юра, ты веришь, что технический отчёт хоть как-то приблизит нас к разгадке феномена Гирру?

Тот с совершенно отсутствующим взглядом едва заметно качнул головой и двинулся к выходу.

– Я вообще не верю, что загадка этого астероида когда-то будет раскрыта, – негромко произнёс Гаськов, после чего ускорил шаг и покинул кабинет директора Агентства.

* * *

Журавлёв медленно шёл по коридору Агентства. Он вообще не понимал, благодаря чему кресло директора до сих пор всё ещё сохраняется за ним – на памяти Журавлёва, Министерство легко смещало сотрудников с должностей и за гораздо меньшие промахи.

С момента потери станций МИС-7 и МИС-8 прошло уже три месяца, и многим начало казаться, что всё в Агентстве теперь снова идёт по-прежнему. Однако на самом деле это было далеко не так.

Журавлёв, некогда державший железной хваткой все отделы и лично контролировавший каждый проект, теперь словно отошел от дел, передав большую часть работы своему заместителю. Поговаривали, что после очередной пятилетки бессменный директор уйдёт в отставку; злые языки утверждали, что Журавлёв утратил к космосу всякий интерес и даже перестал приезжать в офис.

На самом деле, это было не так. Но если раньше директор Агентства мог заниматься одновременно огромным количеством различных задач, то теперь все мысли Журавлёва были направлены лишь на одно.

И как только директор Агентства опустился в своё обширное кресло, в его голове вновь завертелись безумные прожекты новых миссий.

«Непреренно два модуля...» – зажмурившись, снова и снова повторял про себя Журавлёв. «Постоянно поддерживать видеосвязь с ЦУПом, на подлёте – один аппарат оставить для подстраховки, с включёнными камерами...»

Каждый день директор выдумывал всё новые способы, как подобраться к ненавистному астероиду – один раз он дошёл до того, что всерьёз стал подумывать взорвать Гирру водородным зарядом и посмотреть, что из этого выйдет.

Однако директор Агентства прекрасно понимал, что всё это – лишь его стариковские фантазии. Никаких больше миссий не будет; космические станции больше никогда не полетят с миссиями к Гирру, и в ближайшие три сотни лет больше ни в одной обсерватории мира никто не сможет пронаблюдать таинственные вспышки на его поверхности.

Спустя считанные недели астероид промелькнёт мимо земной орбиты и унесёт свои загадки в бездонные глубины космоса. В том числе, и безвестную тайну гибели двух лучших из когда-либо созданных людьми космических аппаратов...

Журавлёв бессильно сжимал и разжимал кулаки, но поделаться ничего не мог. Астероид оказался сильнее; в схватке с человеческой тягой ко всему неизведанному Гирру вышел победителем.

Поскольку космос в последние годы редко баловал широкую публику какими-нибудь интересными открытиями или сенсациями, новость о таинственном исчезновении двух исследовательских станций была подхвачена многими любителями околонуучных теорий и космических заговоров. Даже возникла какая-то секта, лидер которой, брызгая слюной, активно продвигал через интернет версию о том, что Гирру – это не что иное, как портал в другое измерение.

Директор Агентства лениво пролистывал еженедельные отчёты руководителей отделов, утверждаемые его подписью, когда его телефон внезапно зазвонил.

– Олег Дмитриевич! – радостно завопил динамик, заставив Журавлёва на секунду отдернуть руку от уха.

– Да, Миша, я тебя слушаю, – ответил устало директор Агентства, на секунду удивившись, с чего бы вдруг Земляков – командир очередного экипажа «Федерации»-3М – решил вдруг ему позвонить.

– Тут такое дело, понимаете... – начал Земляков. – Вы ведь знаете, что я изучал исследование Агентства по Гирру.

– При чём тут Гирру? – тут же вскинулся Журавлёв.

Космонавт немного стусевался.

– Да вот, появились тут некоторые соображения у меня... Смотрите, через три с половиной недели Гирру проходит мимо Земли всего в двух миллионах километров – так?

– Ну вроде, – неопределённо промычал директор Агентства, хотя на самом деле каждый день изучал уточнённую траекторию пролёта астероида.

– Так вот, да, – замаялся космонавт. – Стало быть, рядом совсем будет... ну, так и мы тоже рядом как раз! Может...

– Ты с ума сошёл? – зашипел на него в трубку Журавлёв. – Или ты невнимательно читал отчёт? Никто в жизни не даст согласия на такой полёт! В первую очередь, я сам не дам!

– Да погодите, Олег Дмитриевич, – быстро заговорил Земляков. – Это же наш последний шанс! Буквально один на столетия! Вы сможете спокойно спать после того, как мы окончательно упустим этот астероид?..

Журавлёв уже давно не мог спокойно спать, но, пересиливая себя, всё же ответил:

– Гирру уже дважды обломал нам зубы. Хватит, пусть следующие поколения его штурмуют, нам он пока не под силу. Я не буду рисковать ни тобой, Миша, ни кем-либо другим!

– Да почему мы так боимся всего, что дальше орбиты? Нам предстоит вшивый облёт Луны, а шумиху подняли, как будто отправляемся в космическую одиссею!

– Миша... – Журавлёв помолчал, понимая всё негодование своего собеседника, на которого не давил груз лишних тридцати лет опыта. – Миша, да потому и боимся, что настоящий, открытый космос – это совсем не то, что орбита! Никто не знает, какие ещё гадости могут встретиться нам в межпланетном пространстве – а последние события прекрасно демонстрируют нашу неподготовленность к таким серьёзным проектам...

– Олег Дмитриевич, – сказал космонавт после небольшой паузы. – На самом деле, мы уже кое с кем в Агентстве обсудили возможность подобной миссии, и большинство нас поддержало – в том плане, что «Федерации» как раз по силам такой перелёт...

– Что! – задохнулся директор Агентства. – Так вы уже всё спланировали за моей спиной?! И кто это «мы»?

– Я с Терешенко и Добровольцевым, – ответил Земляков. – И мы поговорили-то всего лишь с несколькими сотрудниками, так что никто ничего не знает. Просто... если бы Вы нас поддержали...

– Так, Земляков, – тяжело задышал Журавлёв. – Никому ни слова больше об этом. У вас через три месяца облёт Луны...

– Да шут с ним, облёт! – перебил космонавт, – там окно на старт такое, что хоть каждый день на Луну летай! А когда мы ещё сможем посетить Гиру?

– Да пойми ты, дурья твоя голова, – чуть не плакал Журавлёв, – нет у нас ещё такого опыта работы! Ты бы ещё какую-нибудь глупость предложил, например, на солнечном парусе полететь!

– На «Федерации» нам всего неделя туда и обратно, – зашептал в телефон Земляков. – Скорректируем траекторию... Вы же сами рассказывали, что это самый совершенный в мире корабль, предназначенный для любых манёвров и даже длительных перелётов?.. Я выйду наружу, мы исследуем астероид, возьмём парочку проб... Ну и что, что риск! Я, в конце концов, Герой России! Зато представляете, какой это будет бесценный материал?..

Журавлёв хорошо это представлял. Каждое слово Миши Землякова, старого друга директора Агентства, к которому он всегда относился по-отечески, хлётко било по сознательности и здравомыслию директора Агентства, беря его старые раны и заставляя вновь выстраивать в своей голове невероятные фантазии.

– Вот что, Герой России... – буркнул Журавлёв и, уже не соображая, что он сам говорит, добавил:

– Завтра в девять у меня, поговорим.

* * *

Директор Агентства вновь, как в былые времена, проводил оперативное совещание с руководителями отделов. Заключительная часть была посвящена полёту «Федерации» рядом с Гиру – вокруг этого головокружительного проекта дебаты среди сотрудников Агентства полыхали уже который день.

Поскольку все испытательные полёты «Федерации» прошли успешно, технических затруднений с миссией не предвиделось.

– Разгоним корабль до максимально допустимой скорости, рядом с Гиру – развернёмся и синхронизируем движение... расстояние подгадаем совсем небольшое, а вплотную сблизимся уже на маневровых, вручную. Скажем, метров до тридцати. С борта экипаж будет проводить наблюдения, а один из космонавтов выйдет наружу и приблизится к астероиду на страховке.

Фролов на секунду задумался.

– Не рискованно ли подходить к астероиду на высокой скорости? – спросил Нестеренко. Журавлёв посмотрел в сторону программиста:

– Обратно полетим предельно медленно, на остатках горючего. Заодно проверим в боевой обстановке систему жизнеобеспечения корабля – мы ведь рассчитывали его на тридцать суток автономного полёта, вот у нас как раз почти столько же в сумме и выйдет.

... Совещание закончилось. Директор Агентства, заложив руки за спину, стоял у окна, погружённый в мысли о дерзкой экспедиции к Гиру. Прошло всего шесть часов, как третья ступень «Феникса», штатно отработав, вывела «Федерацию» на высокую геоцентрическую орбиту; теперь, после выполнения проверок всех бортовых систем, корабль будет наведён по окончательно скорректированной траектории полёта и отправится в открытый космос...

Мысли Журавлёва прервались вибрацией телефона во внутреннем кармане. Рассеянно поднеся телефон к уху, директор Агентства услышал возбуждённый крик астрофизика Лаврищева.

– Эврика! – завывал он в трубку. – Я понял!

– Что ты понял? – поморщился Журавлёв, недовольно отворачиваясь от окна.

– Я закончил анализ последних записей с МИС-8. Помните, как нам не давала покоя эта ерунда с кувыркающей траекторией Гирру?

– Ну, – проворчал в трубку директор Агентства.

– Так вот, из всего массива фотографий я отобрал несколько, где были заметные крошечные вспышки на астероиде. Я сравнил места, где наблюдались вспышки, с временем и вектором изменения движения Гирру на трёхмерной компьютерной модели, и знаете, что оказалось?.. Каждая вспышка точно соответствовала точке приложения силы! – торжествуя закончил астрофизик.

– Ближе к делу, Лаврищев, – посмотрел на часы Журавлёв. – Я пока не очень понимаю, к чему ты клонишь. Мы же уже обсуждали, что никакого внутреннего газа...

– Это антиматерия, Олег Дмитриевич, – перебил его учёный. – Наш Гирру – гость совсем из другого уголка Вселенной! При столкновении с обычным веществом, даже самой крошечной и нерегистрируемой никакими телескопами пылинкой, происходила аннигиляция с мощным выбросом фотонов, которую мы и наблюдали в виде обычного света. Вот они, вспышки-то наши!.. Сами понимаете, сколько в космосе всякой пыли летает. И при этом, в полном соответствии с ньютоновской механикой, каждый такой взрыв немного поворачивал астероид в ту или иную сторону...

– Подожди, подожди, ты хочешь сказать... – начал бормотать Журавлёв, но Лаврищев снова не дал ему договорить:

– Это заодно объясняет и яркое свечение астероида, как только наша станция приблизилась к его поверхности – ведь продукты сгорания горючего начали активно взаимодействовать с антивеществом. А когда станции касались поверхности астероида...

– Боже, – прошептал директор Агентства и резко повернулся на месте. – Это что же, наши станции превратились в излучение?!

– До последнего нуклона, Олег Дмитриевич, – радостно подтвердил астрофизик. – При касании объекта, состоящего из антиматерии, у любого тела шанса вырваться уже нет – он резко проваливается в него, как в чёрную дыру, и полностью превращается в свет.

– То есть... – начал говорить директор Агентства и вдруг бешено зарычал, широко распахнув глаза, – ... вот дьявол! Да у меня же сейчас к нему ребята летят!..

И Журавлёв резко кинулся к выходу из своего кабинета.

Учёные

Рабочий день начался как обычно – мы запустили все базовые циклы программ, контролирующих фотосинтез, и приступили к проверке функционирования системы жизнеобеспечения.

Это была скучная, но необходимая часть нашей работы, поскольку в случае даже малейших сбоях в подаче кислорода, углекислоты, азота, либо нарушений любого параметра системы давления плоды всех наших трудов пошли бы насмарку.

Сверку, в общем-то, на самом деле производил я – у Ольги на это явно ушло бы больше времени. Поэтому я просто предоставлял ей сведения по каждому из наших образцов, а Ольга уже подчёркивала карандашом те показатели, которые казались ей наиболее подозрительными.

– ... Ну-ка, Антон, а что это у нас в восьмом блоке с температурой ночью творилось? – вода карандашом по распечатанной раскладке, спросила девушка.

Я обратился к базе и быстро прошёлся по всей температурной ленте.

– Изменения незначительные, – ответил я. – Один-полтора градуса, не более. На росте растения это никак не отразится.

– Ну-ну... – рассеяно протянула Ольга, уже листая следующий отчёт.

Примерно так и проходила всегда первая часть дня, пока не появлялся начальник лаборатории – Тирольцев Василий Павлович, доктор биологических и ботанических наук.

В нашем отсеке он редко задерживался; если у Ольги не было никаких вопросов по форсированию фотосинтеза или каким-то проблемам в блоке, то Тирольцев после нескольких дежурных вопросов быстро убегал во второе крыло, где курировал исследования дендромутаций.

На меня же наш шеф обращал до обидного мало внимания – судя по всему, воспринимая мою скромную помощь как само собой разумеющееся. Да и вообще, в отличие от Ольги, с которой у меня за несколько месяцев сложились почти заговорщические отношения, другие лаборанты редко когда снисходили до общения с мной.

Разумеется, если речь не шла о том, чтобы в чём-то помочь – в таком случае учёные не брезговали замучить меня какими-нибудь бестолковыми вычислениями.

С другой стороны, а так уж ли нужно мне выслуживаться перед Тирольцевым? Напрашиваться на повышение? Так он, чего доброго, отправит меня в другой отдел или вовсе к рукам приборет – а я бы не хотел расставаться с нашей лабораторией...

Да ладно уж, чего греха таить – и с Ольгой тоже. Скорее, как раз с ней, в первую очередь, я расставаться бы и не хотел – ну, и с нашими работами, разумеется. Из первой группы подвергшихся индуцированным мутациям выжило лишь несколько экземпляров, но зато весь оставшийся материал был бесценен для дальнейших экспериментов. Разумеется, для практического применения результатов наших исследований необходимо проделать ещё большую работу – но уже сейчас потенциал нового мутагена был очевиден.

Не для всех, конечно – за место под солнцем отечественной биологии и ботаники боролось много учёных, и зачастую даже разгорались нешуточные баталии, можно сказать, шли лабораторией на лабораторию.

Один из таких подлых ударов – разгромная статья в каком-то журнале, автор которой прошёлся и по нашим исследованиям, и по индуцированным биомутациям вообще – очень сильно разозлил Ольгу. Она боролась за каждую копейку, вкладываемую институтом в нашу лабораторию, а подобные выпады могли существенно подорвать авторитет кафедры в глазах руководства Института. Дела и так шли не гладко: большая часть оборудования лаборатории была устаревшей, а заявки на переоснащение уже который год подряд не утверждались в министерстве. Здесь, похоже, был бессилён даже Василий Павлович.

– Антон! – раздался голос старшего лаборанта. – Присмотри, пожалуйста, за модулем, пока я схожу в основной блок. Надо проверить, готовы ли вчерашние анализы.

– Без проблем, – ответил я и активировал камеры слежения нашего испытательного модуля. Затем проверил, что там творится с атмосферой, выставил уровень радиоактивного фона и перевёл всё управление на автоматический режим.

Сам Тирольцев со своими коллегами занимался продуцированием новых ботанических видов путём не только многофакторного воздействия на растения, например, посредством радиации, но и имбридингом с животными клетками. Иными словами, в лабораториях профессора на клеточном уровне проводили эксперименты по скрещиванию двух царств.

Я хоть и не был полноценным сотрудником лаборатории, но зато имел доступ ко всей информации об исследованиях, проводившихся в ней, и мог целыми днями напролёт анализировать её, делая необходимые для последующих экспериментов выводы.

В общем-то, это тоже относилось числу основных моих обязанностей – поскольку на обработку такого количества информации у Ольги никакого времени не хватило бы.

Часто между нами разгорались жаркие споры по поводу необходимости введения тех или иных корректировок в алгоритмы, управляющие мутациями. Вот и сейчас, когда старший лаборант вернулась, на меня снова посыпались упреки:

– Я сколько раз говорила, чтобы ты без моего подтверждения не изменял интенсивность облучения?

Выпад Ольги отчасти был справедлив, однако я так просто сдаваться не собирался.

– Но в прошлые разы, когда облучение достигало двух рентген, а затем переставало возрастать, мутации сильно замедлялись, – ответил я. – Я смоделировал варианты стимулирования дальнейшего роста клеток и пришёл к выводу, что оптимальным выходом может стать постоянное повышение радиационного облучения объектов.

– Да, только в один прекрасный момент такие дозы вовсе убьют клетки, – жёстко сказала старший лаборант, сосредоточенно переключая тумблеры на панели управления испытательного модуля. – Что мы будем делать, если их деление остановится?

– Это маловероятно, – заметил я. – И в любом случае, сразу они не отомрут – на этот процесс уйдёт какое-то время. А ты же знаешь, что я постоянно контролирую состояние...

– Да это неважно, что ты контролируешь, – сердито перебила Ольга. – Мне не нравится то, что ты сам принимаешь такие решения! В конце концов, кто из нас здесь главный после Василия Павловича?..

Я постарался придать голосу максимально обиженную интонацию.

– Конечно, ты! Ты ведь всегда говоришь, что мне делать, и не слушаешь моих советов. А ведь все они основаны на наших предыдущих неудачах, – едко закончил я.

– Да ну-у! – протянула старший лаборант. – Стало быть, твои советы – это непогрешимый кладёзь мудрости? И с каких это пор у тебя такая жажда власти?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.